

ИСКУПЛЕНИЕ СЫНА ОДИНА

MYTHIC CODER

Mythic Coder

Искупление сына Одина

«Автор»

2026

Coder M.

Искупление сына Одина / М. Coder — «Автор», 2026

Сыну Одина дано всё, кроме понимания цены человеческой жизни. Гордый шестнадцатилетний Тор, привыкший к славе и песням скальдов, лишается силы, молота и бессмертного тела. В наказание он падает в мир викингов в холод северных морей, звон стали и крик тех, кто умирает не ради песен, а ради славы и семьи. Теперь он всего лишь юноша с ранимой плотью и двумя магическими дарами: способностью исцелять раны и правом один единственный раз обратиться к Всеотцу за помощью.

Содержание

Глава 1. Гром над Асгардом	5
Глава 2. Холод моря	9
Глава 3. Деревня у фьорда	13
Глава 4. Кровь двора	18
Глава 5. Руки, которые лечат	23
Глава 6. Дерево и сталь	28
Глава 7. Чужак среди своих	32
Глава 8. Зов моря	36
Глава 9. Под парусом северного ветра	41
Глава 10. Шторм и кости моря	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Mythic Coder

Искушение сына Одина

Глава 1. Гром над Асгардом

В чертоге Вальгаллы гул стоял такой, что дрожали подвески на щитах под потолком. Дым от факелов стлался под резными балками, смешиваясь с запахом жареного мяса, мёда и пота множества тел. Огонь бегал по выпуклым бляхам, по стальным шлемам, и казалось, будто сами стены Асгарда пылают боевой славой, выгравированной на каждом клинке.

Скальд стоял у центрального столба, прижимая к боку арфу. Пальцы уверенно перебирали струны, голос вёл всех через снежное поле, залитое кровью, к далёкой деревне, охваченной пламенем. Он пел о героях, сложивших головы ради Вальгаллы, о врагах, что бежали, давясь дымом, о домах, которые огонь пожирал до последней балки. В его словах человеческие жизни сжимались до пары строк, до удобной для памяти рифмы.

Тор сидел за средним столом, опираясь локтем о шершавую доску. В тяжёлой руке он держал кубок, мёд в нём дрожал от ударов кулаков и щитов. Свет факелов цеплялся за рыжие пряди его волос, за узоры на наручах, за рукоять молота рядом. Он слушал, как в очередной раз человеческая кровь превращается в красивую историю, и губы его тронула лёгкая, лениво-довольная улыбка.

— И тогда, — голос скальда взвился, — последние враги пали на колени, моля о пощаде, которой недостойны были!

Чертог взревел. Воины вскочили, стукнули кубками о столы, щитами друг о друга. Кости подпрыгнули на блюдах, мёд хлынул через край, кто-то заржал, подхватывая припев, кто-то выкрикнул чьё-то имя, чтобы скальд вставил его в следующую строку.

— Вот так и надо умирать! — рявкнул широкоплечий воин с перебитым носом. — Чтобы скальд сорвал голос, пока прославит!

Тор чуть приподнял кубок, не вставая. — Не жалею криков, скальд, — протянул он, глядя на певца. — Пусть громче звучат их вопли, когда огонь лижет пороги их домов. Молодой воин напротив, ещё не успевший отъесться в Вальгалле, наклонился ближе, глаза блестели от мёда и огня.

— Ты улыбаешься так, будто сам стоял среди этого пламени, Тор, — крикнул он. — Правда, чужая смерть звучит так сладко, как в песне?

Тор скользнул по нему взглядом, как по пустому месту между щитами. — В песне она всегда сладкая, — ответил он спокойно. — Те, чья кровь пролилась, уже ничего не чувствуют. Остались только слова, чтобы нам было веселее пить.

Скальд снова ударил по струнам, вытягивая новые строки о павших героях. Тор слушал, как смертные голосами этих песен превращаются в легенду, и даже не пытался представить, что значит быть тем, чьё имя прозвучит один раз — и исчезнет под общим гулом чертога.

Песня скальда оборвалась на протяжной ноте, струны дрогнули и смолкли, и на миг в чертоге повисла тяжёлая, хмельная тишина. Только трескало полено в очаге да кто-то шмыгнул носом, дожёвывая кусок мяса. Скальд поклонился и отступил в тень, прижимая арфу к груди, словно щит.

Тор поднялся, шум лавок вокруг сразу стих, ожидая. Он вскинул кубок так, чтобы огонь факелов ударил в янтарную толщу мёда, и на его лице легла широкая, дерзкая улыбка. — Хорошая песня, — громко сказал он, глядя вдоль столов. — Всё как всегда: смертные бегут, смертные кричат, смертные умирают.

Несколько асов ближе к центру расхохотались, кто-то стукнул кулаком по столу, расплескав мёд.— Они дрожат при виде меча, — продолжил Тор, смакуя каждое слово. — Но в этом есть польза. Чем сильнее трясутся, тем быстрее падают. А Вальгалле нужны новые глотки, чтобы допивать бочки.— Так и есть! — выкрикнул воин с перебитым носом, подняв кубок. — Пусть бегут от своей смерти — всё равно прибегут к нашей!

Смех прокатился по лавкам, но не все подхватили его. У дальней колонны седой ас с сетью шрамов на лице лишь хмуро посопел, переглянулся с соседом; тот отвёл глаза, делая вид, что слишком занят косточкой между пальцами.

Тор сделал большой глоток, громко поставил кубок на стол и наклонился вперёд, опираясь на ладони.— Я видел их, когда гром рвёт небо, — голос его стал ниже, но горячее. — Они падают на колени, жмутся к земле, шепчут имена своих маленьких богов, как дети, что зовут мать. Они молятся мне — и вам — чтобы мы не заметили их.

Он усмехнулся, вспомнив, как внизу вспыхивают костры, как люди выходят из домов, всматриваясь в тёмное небо.— Страх для них — как воздух, — бросил Тор. — Естественное состояние низших существ. Если отнять у смертного страх, от него ничего и не останется. Кто-то громко одобрительно хрюкнул, поднимая кубок, но за его спиной один из асов со сединой в бороде тихо покачал головой.

— Их жизнь дешевле стали в рукояти молота, — закончил Тор, и в его голосе не дрогнуло ни одно слово. — Сталь хотя бы служит долго. А они — только один раз. Он выпрямился, снова поднимая кубок, наслаждаясь тишиной, которая на миг повисла в чертоге. Для него это была привычная истина, сказанная вслух; для кого-то за дальними столами — слишком резкое напоминание о том, из чьей крови сложены песни Вальгаллы.

С верхнего конца стола Один не шелохнулся, пока смех и гул одобрения ещё катились по чертогу. Он сидел, как вросший в высокое резное кресло, в тени за спинами ближайших воинов, и только один его глаз, серый, как зимнее море под тучами, внимательно следил за лицом сына. Воронье перо, вплетённое в плечо плаща, едва заметно шевельнулось от сквозняка, будто живое.

Каждое слово Тора, брошенное в зал с насмешливой лёгкостью, задерживалось в этом взгляде. В них было много мёда — юношеской удалы, пьяной смелости, привычки чувствовать себя громом, а не теми, кого он разрывает. Но под этим мёдом тонко светилась сталь: уверенность, что кровь смертных — действительно мелочь, на которой можно стоять, не глядя вниз.

Постепенно смех стих. Кто-то ещё догрызался с шуткой, но голоса гасли сами собой, словно ветер, наткнувшийся на скалу. Один медленно поднял руку, не требуя тишины — она и так уже легла на чертог. Пальцы, сжимающие край подлокотника, разжались, и он слегка наклонил голову в сторону выхода, коротким жестом зовя Тора.

По лавкам прокатилось едва слышное шевеление. Воины опустили кубки, кто-то отвёл взгляд в миску, кто-то, наоборот, проводил Тора глазами. Все знали: когда Всеотец зовёт так, без лишних слов, разговор не будет пустым. Даже скальд, прижимая арфу к груди, инстинктивно сделал шаг назад, чтобы не попасться на пути.

Тор поднялся резко, лавка под ним скрипнула. Внутри всё ещё пылал огонь собственной дерзости, мёд приятно жёг горло, а слова, сказанные минуту назад, казались ему точными и остроумными. Он бросил короткий взгляд по сторонам — в глазах некоторых асов видел восхищение, в других — усталое неодобрение, и это только подлило масла в его внутренний жар.

Он шагнул из-за стола, чувствуя на себе взгляды, и пошёл вслед за отцом. Под ногами глухо стонали доски пола, факелы на стенах по мере их движения выхватывали из темноты то резные драконьи головы, то щиты с выбитыми рунами. Шум чертога постепенно отодвигался назад, сжимаясь до глухого гула, как далёкий гром за горами.

Один шёл чуть впереди, не оборачиваясь. Его походка была неспешной, но в ней чувствовалась та же неумолимость, что и в течении широкой реки весной. Тор, глядя на широкую

спину отца, сжал зубы. «Сейчас начнётся, — подумал он, чувствуя, как в груди поднимается привычное раздражение. — Расскажет, как надо ценить каждую каплю крови, как высоко стоят эти жалкие смертные. А я ему отвечу. Слов у меня хватит».

Ему казалось, что впереди его ждёт всего лишь ещё одно нравоучение, которое можно легко отразить парой острых фраз. Тень отцовского плаща скользила по каменному полу, и Тор шагал по ней, как по следу чужого терпения, уверенный, что и на этот раз выйдет из речи Одина только сильнее в собственной правоте.

Оружейная встретила их прохладой и запахом масла. Факел у двери едва освещал стены, увешанные мечами, копьями и щитами; металл тускло поблёскивал, будто в полудрёме. Здесь было тише, чем в чертоге, и шум пиршества доходил только глухим гулом, как далёкий прибой. Один остановился посреди комнаты, дотянулся пальцами до висящего на стене щита, поцарапанного старыми ударами.

— Ты слышал имена, что пел скальд? — негромко спросил он, не оборачиваясь. Тор пожал плечами, вставая напротив, среди копий. — Разумеется. Для этого он и кричал, чтобы их услышали, — усмехнулся он. — Хорошие имена, крепкие. Достоинно звучат в песне.

Один слегка повернул голову, его единственный глаз блеснул в полумраке. — За каждым из этих имён есть мать, — медленно произнёс он. — Жена. Ребёнок. Те, кто остался в мире живых и будет слушать эти песни, не сидя за нашим столом, а у очага, где пустое место больше не займёт никто. Ты это понимаешь?

Тор фыркнул, дернув плечом. — В мире живых пустых мест всегда достаточно, — отрезал он. — Ещё одна вдова, ещё один сирота ничего не изменят ни для нас, ни для нити судьбы. Норны не споткнутся о чью-то слезу. Он сделал шаг, поводя ладонью по рукояти меча на стене.

— Их страдания коротки, как их жизнь, — продолжил Тор, чувствуя, как внутри вновь разгорается жар. — Вспыхнули, погорели и погасли. Мы ходим по Радуге между мирами, нам незачем вглядываться в каждую лужу под ногами.

Один молчал, и это молчание постепенно наполняло оружейную холодом. Казалось, воздух здесь стал гуще, чем за каменными стенами, и даже пламя факела у двери горело ровнее, не смея трепетать. — Для Вальгаллы они — материал, — бросил Тор, упрямо встречая отцовский взгляд. — Если щит треснул, его меняют. Если человек умер храбро, его место за столом займёт другой. Это простой счёт. Он поднял подбородок, будто бросая вызов.

— Люди нужны, чтобы пополнять наши ряды. Расходные тела для песен. Не больше. Слова повисли между ними, тяжёлые, как молот, упавший на наковальню. Оружие на стенах словно притихло, и воздух вокруг Тора вдруг сделался вязким, тяжёлым; вдохнуть его оказалось труднее, чем прежде, как будто сама комната отозвалась на последнее брошенное им слово.

Один двинулся с места неспешно, словно между ними не висели только что произнесённые слова, а всего лишь пыль старых битв. Он подошёл ближе, так что Тор увидел тонкие морщинки у уголков единственного глаза и лёгкий блеск стали под повязкой.

— Сын, который не ценит жизнь смертных, — тихо произнёс Всеотец, — сам должен пожить среди них. Голос его был ровным, почти мягким, без грома и крика, но у Тора на миг перехватило дыхание, будто в грудь вогнали холодное копьё. Он хотел усмехнуться, отмахнуться от этой фразы, как от очередной притчи, но во взгляде Одина не было ни тени шутки.

— Ты ходишь по Радуге, глядя вниз, — продолжил отец. — Самое время пройти по земле и поднять голову, чтобы увидеть тех, чьё существование ты считаешь пеплом под ногами. Тор презрительно дёрнул губой.

— Пожить среди них? И что это изменит? — хотел бросить он, но слова застряли. — Я лишаю тебя божественного тела, — сказал Один так же спокойно. — Твоей силы. Твоего молота. Оставляю лишь способность лечить раны смертных и одно право обратиться ко мне с просьбой. Один раз.

Комната будто отступила, стены с оружием размылись. Тор раскрыл рот, чтобы крикнуть, что это несправедливо, что богов нельзя судить мерками людей, но земля под ногами дрогнула, проваливаясь в пустоту.

Он вскинул руку к знакомой тяжести у бедра, желая ухватиться за рукоять Мьельнира. Пальцы сомкнулись в пустоте. Ни холодного металла, ни дрожащей в ладони силы — только воздух. Тор резко вдохнул, будто захлебнулся, и впервые за долгие годы почувствовал себя по-настоящему голым.

— Отец — сорвалось с губ, но голос прозвучал чужим, слабым. Один не приблизился и не отстранился, лишь смотрел, как с сына снимают невидимую броню. В его молчании не было злорадства, только тяжёлое решение того, кто уже видел, к чему приводит кровь. Свет Асгарда вдруг вспыхнул ярче, ударил в глаза и тут же разорвался, как ткань, разрезанная пополам. Золотые своды, оружие на стенах, силуэт отца — всё порвалось на сияющие лоскуты и исчезло.

Тора обняла тьма, плотная, глухая, и в ней не было ни грома, ни песен Вальгаллы — только гул собственного сердца, впервые звучащий так, словно ему действительно есть что терять.

Тьма не просто сомкнулась вокруг Тора — она рванула его вниз, как волчья пасть. Он не видел ни неба, ни земли, только бесконечный провал, в котором нельзя было понять, где верх, а где низ. Тело крутило, выворачивало, будто его швырнули в бездонный колодец между мирами, и привычная опора Асгарда исчезла, словно её никогда не существовало.

Грохот пира, смех асов, звон кубков, напев скальда — всё растаяло, как дым, унесённый ветром. В уши вполз другой звук: глухой, тянущийся, похожий на далёкий вой. Над ним ударил холодный поток воздуха, будто само небо хлестало его по лицу ледяными ладонями. Глаза слезились, хотя вокруг не было ни света, ни огня.

Тор попытался ухватиться хотя бы за гром. Привычным усилием воли он потянулся туда, где всегда чувствовал тяжёлый, яростный отклик молнии. Пустота. Ни глухого раската в груди, ни знакомого дрожания силы в пальцах. Он снова рванулся душой, напрягаясь так, как напрягал мышцы в бою, но ответом ему стал только свист ветра в ушах.

Впервые за все свои шестнадцать лет, прожитых в теле бога, в нём поднялось не раздражение и не злость, а чистый, холодный страх. Не за молот, не за славу, не за место в песнях — за то, что он сам может исчезнуть, как те смертные, о которых скальды поют всего пару строк. Мысль об этом царапнула сильнее любого клинка.

Падение тянулось вечностью. Время расплзлось, как растопленный мёд, и Тору казалось, что он успевает прожить целую жизнь в каждом неверном вдохе. Он пытался кричать, но голос утонул в ревушем воздухе, не оставив даже эха. Пальцы судорожно хватили пустоту, словно там могла оказаться рукоять Мьельнира или край Радуги, за который можно ухватиться.

Постепенно вой ветра изменился. В глубине провала возник новый звук — тяжёлый, насыщенный, будто под ним ворочалось что-то огромное. Рёв нарастал, захлёстывая, и Тор понял: это небо больше не бьёт его ладонями. Теперь снизу поднимается иной холод.

Темнота вдруг разошлась, как порванная ткань, и перед ним разверзлось ледяное море. Чёрная гладь, вздыбленная белыми гребнями волн, рванулась навстречу, и в этот миг Тор успел лишь отчётливо почувствовать, как тонкое, смертное тело, в которое его швырнули, летит прямо в эту холодную пасть, не имея ни крыльев, ни грома, чтобы остановить падение.

Глава 2. Холод моря

Удар о воду расколол мир перед глазами юноши. Тело Тора врезалось в солёную гладь так, будто это был не жидкий поток, а каменная плита, скрытая под тонкой коркой пены. В груди что-то хрустнуло, воздух вырвало из лёгких одним рывком, и вместо крика в рот сразу вломилась ледяная вода.

Солёная горечь обожгла горло, нос, глаза. Он захлебнулся, судорожно дёрнул руками, но волна перекувырнула его, как щепку. Холод пронзил до костей, острый, как тысяча тонких ножей, и мышцы тут же стали чужими, свинцовыми. Каждое движение давалось так тяжело, словно его заковали в невидимые оковы и бросили на дно.

Над ним ревел шторм, но сверху это был только мутный серый свет, разорванный тёмными тенями волн. Вода давила со всех сторон, в ушах стоял глухой рёв, сердце билось неровно, пытаясь поспеть за его рывками. Тор выкинул руку вверх — так, как поднимал её к грому, — но над головой не вспыхнула ни молния, ни радужный мост. Пальцы лишь расчертили холодную толщу, не нащупав ничего, кроме воды.

Он вырвался на поверхность, хватанул воздуха, но вместе с ним в лицо тут же ударил гребень волны. Солёная пена забила рот, он снова ушёл вниз, кувыркаясь, теряя вверх и низ. В висках стучало: это тело тонет. Смертное тело умеет тонуть. Мысль была такой простой и такой чужой, что на миг парализовала сильнее холода.

Он пытался нащупать под ногами дно — привычное ощущение опоры, как под ногами Асгарда, — но там была только ледяная пустота. Никакого скалистого берега, ни камня, за который можно ухватиться. Море не боялось ни его имени, ни его прежней силы. Его бросали в него, как ненужный обломок, и вода принимала его так же, как принимала тела рыб или обломки кораблей — без вопроса, без почтения.

Грудь жгло от нехватки воздуха. Он рванулся ещё раз, изо всех сил, которыми располагало слабое, не привыкшее к боли смертное тело, и вырвался ближе к поверхности. Сквозь пену и брызги он увидел чёрное небо, разорванное рваными полосами облаков, и на миг успел понять: здесь, внизу, никто не слушает гром. Море просто тянет его к себе, настойчиво и равнодушно, как будто всегда знало, что рано или поздно сын грома тоже станет для него тяжёлым камнем, уходящим в глубину.

Он рванулся к небу инстинктом, который был старше его самого. Внутри, там, где раньше поднимался тяжёлый гул, предвестник молнии, он потянулся к громам, к вспышке, к силе, что всегда отвечала. Ничего.

Небо над ним молчало, чёрное, рваное, чужое. Оно не дрогнуло, не вспыхнуло, не отозвалось раскатом. Молчание давило хуже глубины, и Тор почувствовал, как в груди разжимается не сила, а пустота.

Он протянул руку туда, где всю жизнь чувствовал тяжесть рукояти Мельнира, — привычный холод металла, живой вес молота, словно продолжение его самого. Пальцы встретили только ледяную воду. Никакого оружия, никакой опоры, только скользкая пустота, в которой он был всего лишь ещё одним телом.

Мысль мелькнула, как вспышка: это не угрозы, не красивые слова Одина в оружейной. Наказание стало плотью. Реальностью, от которой не уйти ни по Радуге, ни по молнии. Следующая волна накрыла его с головой. В уши ударил густой гул, мир разом сузился до одного выбора: вдохнуть или утонуть. Лёгкие горели, горло сводило от солёной воды. Он дёрнул руками, ногами, как мог, не умея ещё правильно бить по воде, и каждый рывок отдавался болью в мышцах.

Он боролся. Не как бог, вызывающий бурю одним взглядом, а как те самые смертные, которых он привык считать расходным мясом для песен. Хватался за каждый глоток воздуха,

как за последнюю добычу, вырывался наверх, раздирая горло сильным вдохом, и тут же снова уходил вниз, когда волна переворачивала его.

В груди расплзлась паника, холодная и липкая, совсем не похожая на боевой азарт, к которому он привык. Сердце колотилось беспорядочно, в голове спутались мысли. Вместе с паникой росла злость — обжигающая, привычная. На отца, который отправил его в эту ледяную пасть. На море, что хватало его так же равнодушно, как хватает трупы. На саму мысль о человеческой слабости, которую он сейчас чувствовал в каждом своём движении.

«Я не буду тонуть, как они», — успел он подумать, вырываясь к поверхности ещё раз. Но вода не отличала бога от человека. Для неё он был всего лишь тёплым, уставшим телом, которое можно опутать холодом и утащить в тёмную глубину, не задавая вопросов и не слушая ни имён, ни клятв.

Среди мрака и бешеной пены впереди мелькнул тёмный, рваный контур скал. Между чёрных, блестящих от воды глыб тянулась узкая бледная полоска — песок или каменная крошка, трудно было понять. Тор не сразу осознал, что это берег: волны то подбрасывали его вверх, открывая скалы, то снова тянули вниз, и мир рвался на клочья из серых вспышек неба и чёрных провалов.

Волны швыряли его к этому берегу, как тряпичную куклу, лишённую собственного веса. Он не знал, везёт ему или нет: спасение ли там, где заканчивается вода, или новая мука. В какие-то мгновения ему казалось, что море просто выбрасывает ненужный обломок, чтобы разбить его о камни, как старый корабль.

Первый удар пришёлся в бок. Что-то глухо хрустнуло, боль вспыхнула яркой полосой, и из лёгких снова вырывался воздух. Тор попытался вдохнуть, но вместо этого снова захлебнулся, когда следующая волна вдавила его в подводный камень, царапая кожу. Второй удар — по ноге, по колену или голени, он сам не понял; мир на миг побелел, и сквозь эту белизну прошла одна мысль: смертное тело рвётся и ломается слишком легко.

Вода вокруг потемнела, тонкая струйка крови потянулась вниз, тут же рвань и исчезая в пене. Море никак не отреагировало. Оно глотало эту красную слабость так же безразлично, как песок, как щепки, как всё, что в него падало. Ни грома, ни голоса, ни имени — только шум.

Очередная волна подхватила его, провернула, ударила спиной о камень, а потом, будто насытившись, поволокла к бледной полосе у подножия скал. Пальцы нащупали что-то иное, чем скользкий камень, — рыхлый, вязкий песок. Тор вцепился, как в щит, весь сжавшись в этом движении. Вода ещё раз дёрнула его назад, но потом откатилась, тяжело вздохнув.

Он остался лежать на мокром песке, наполовину в пене, наполовину на холодной земле. Воздух вырывался в грудь рывками, каждый вдох обжигал так, словно он глотал не воздух, а тот же ледяной поток. Тор попытался подняться на локти — руки дрожали, будто чужие. В спине и боку тупо ныло, нога отзывалась острой болью при малейшем движении.

Он замер, уткнувшись лбом в сырой песок, чувствуя, как вместе с морской водой по лицу стекает что-то тёплое. Смертное тело не только тонуло — оно болело. И боль эта никуда не исчезала по его желанию, не отступала перед именем сына грома, а просто жила в каждом вздохе, в каждом малейшем попытке шевельнуться.

Сквозь тяжёлый шум моря вначале прорвался иной звук — прерывистый лай собаки, настойчивый, злой. Тор дёрнулся, но тело не послушалось; мир оставался размазанной серой полосой, в которой хлюпала вода и стучала боль в висках.

Где-то совсем рядом заскрипели камни под тяжёлыми шагами. Кто-то грубо схватил его за плечо, переворачивая на спину, и мокрый песок заскрежетал по коже. Над ним возник тёмный силуэт, заслонив собой клочок неба: бородатый мужчина в толстой шерстяной накидке, пахнущей дымом, рыбой и сырой шерстью. В его волосах застряли крупинки соли, борода была спутана, на щеке — белый шрам.

Сбоку тень наклонилась, и чья-то нога без стеснения ткнула Тора в бок, проверяя, жив ли выброшенный морем мальчишка. Боль отдалась в рёбрах так резко, что перед глазами снова вспыхнули белые пятна. Тор зашипел, но это больше походило на стон раненого зверя. — Живой, гляди, — сказал тот, что пнул, голос хриплый, как скрип старой лодки. — Дышит. — Или уже в полдороги к Хель, — буркнул бородатый. — Что за улов нам море принесло?

Они говорили на знакомом северном языке, резком, как ветер у скал, но в их голосах не было ни грамма почтения, ни тени догадки, кто лежит перед ними. Только грубое, прибрежное любопытство. Собака — чёрный, мокрый пёс с жёлтыми глазами — обнюхивала его руку, рыча совсем негромко. Бородатый присел ниже, прищурился, разглядывая его.

— Ни ножа, ни топора, — усмехнулся он. — И одежда как у бедного трэлла. Смотри, рубаха промокла до нитки, а под ней пусто. Не воин. Другой хмыкнул, сплюнул в сторону. — Мальчишка с плохой удачей. Море берёт смелых, возвращает пустое.

Тор хотел выпрямиться, вдохнуть глубже, поднять руку — не для защиты, а чтобы приказать. Сказать им, кто стоит перед ними, велеть склониться, как склоняются перед громом и Радугой. Внутри привычно собирался рывок, который раньше становился раскатом. На поверхность вышло что-то иное. Вместо громового рыка из горла вырвался глухой, рваный хрип. Грудь судорожно дёрнулась, лёгкие обожгло, а мужчины только переглянулись, как рыбаки, нашедшие на берегу едва живую тушу.

— Слышал, Карл? — фыркнул тот, что помоложе. — Даже сказать ничего не может. — Сможет, если вытащим, — ответил бородатый. — Или сдохнет здесь, и псы доедят.

Тор, впервые в жизни встречая на себе такой взгляд — без страха, без почтения, просто как на найденный на берегу обломок, — почувствовал, как где-то под болью и холодом шевельнулась новая, жёсткая злость. Но тела бога у него больше не было, и эта злость могла только жечь изнутри, не превращаясь ни в гром, ни в удар.

В какой-то момент грубые руки, шарившие по его карманам и промокнувшей рубахе, остановились. Бородатый мужчина наклонился ближе, шурясь, будто пытаясь разглядеть в его лице что-то, кроме соли и синяков.

— Эй, мальчишка с волны, — хрипло спросил он. — Как тебя звать-то? Или море язык отняло? Вопрос прорезал туман в голове, как тонкий нож. Тор с трудом разлепил пересохшие губы. Соль обожгла треснувшую кожу, каждый звук приходилось вытаскивать из груди, словно камень из глубины. — Тор, — выдохнул он. — Я Тор.

На миг всё вокруг замерло. Даже собака, фыркающая, перестала рычать, вскинув морду. Мужчины переглянулись поверх его тела, и эту короткую тишину почти можно было принять за признание.

Затем берег взорвался смехом. Грубым, низким, с хрипотцой. Бородатый откинул голову, заржал, хлопнув ладонью по бедру.

— Слышал, Эйнар? — выдавил он сквозь смех. — Море, видно, любит шутить. Ещё один «бог грома», выброшенный нам под ноги! Второй фыркнул, сплюнув в сторону.

— Ага. В прошлый раз был рыбак, что клялся, будто он сын самого Ёрмунганда. Тоже много болтал, пока воду не выхаркал. Зови его лучше «мальчишкой с волны». Настоящего Тора здесь давно не видели.

Смех ударил по ушам сильнее, чем ветер. Он резал, как ледяной нож по оголённому нерву. Тор чувствовал, как гордость, то самое чувство, что всегда держало его выше смертных, вспыхивает в груди огнём, куда болезненнее, чем соль в ранах. Имя, от которого дрожали миры, здесь не значило ничего — повод для шутки на сыром северном берегу.

Он попытался поднять голову, хотя бы чуть, чтобы их взгляды встретились с его, чтобы в них увидели не трэлла, не выброшенного моря мальчишку. Мышцы дрогнули и тут же предали; шея ныла, словно по ней прошёлся молот.

— Склонитесь — хотел он приказать, но вместо громового приказа из горла вырвался только сиплый, жалкий хрип. Воздух содрал горло, грудь вздрогнула от боли, и слова утонули, так и не родившись.

Мужчины смеялись ещё, уже не над именем, а над тем, насколько слаб этот странный найденыш. Бородатый махнул рукой. — Ладно, «Тор», — усмехнулся он, явно вкладывая в имя насмешку. — Посмотрим, гром ли ты, когда до деревни дотащим.

Для Тора это было хуже любого удара. Не иметь возможности встать, чтобы доказать, кто он есть; не суметь вызвать ни гром, ни уважение — только слушать чужой смех, лежа на мокром песке, в теле, которое больше не повинуется его воле. Бессилие жгло изнутри, горше любой боли от камней и холода моря.

Мужчины недолго спорили, словно решали, что делать с выброшенной на берег сетью. Один коротко бросил, что живой парень, даже вытасченный морем, в хозяйстве не помешает. Другой хмыкнул в знак согласия. Грубые ладони снова легли Тору под плечи, под спину, и его рывком подняли, как мокрый мешок, не особо заботясь о ранах. Камни под босыми ступнями скрежетали, но ноги почти не откликались, висели чужими, тяжёлыми.

Его поволокли по прибрежным камням к лодке. Каждый шаг отдавался в теле тупой болью, будто внутри него лежали разбросанные осколки льда. Мир качался перед глазами, как палуба корабля в шторм, хотя он был уже на земле. Небо и скалы менялись местами, серый песок и тёмные валуны проплывали мимо в рваном ритме, и Тору казалось, что он всё ещё в волнах, только теперь волны состояли из людей и камней.

Впереди вдоль берега тянулись тёмные склоны, гладкие от ветров и дождей. Фьорд уходил вглубь, сужаясь каменными стенами, и там, в его сердце, мерцали огни. Маленькие жёлтые точки дрожали на фоне серого неба, отражаясь в чёрной воде — деревня, прижавшаяся к берегу, словно стая овец у склона.

Тор слышал их разговоры, отдельные слова пробивались сквозь шум крови в ушах: про ярла Сигмунда, который не любит лишние рты; про рыбу, что в этом году идёт хуже; про зиму, что скоро снова прижмёт их к земле и льдом заткнёт фьорд. Простые, тяжёлые слова людей, привыкших считать каждый день и каждый улов. Для Тора они звучали чужим, грубым шёпотом мира, который он всегда смотрел сверху, не вникая.

Его усадили в лодку, плечом прижав к борту. Доски были холодными и сырыми, пахли смолой и старой водой. Лодка качнулась, отдаляясь от берега, и этот знакомый морской ход вдруг успокоил его больше, чем земля. В последний раз, подняв тяжёлые веки, Тор увидел силуэт длинного дома на холме, чуть выше остальных крыш, и столб дыма, тянущийся в серое небо. Чужой дом, чужой дым, чужая земля — и он, бросаемый сюда, как обломок. Этот образ вспыхнул и потух, когда тяжёлый сон провалился на него, как валун, отрезая и холод моря, и голоса людей.

Глава 3. Деревня у фьорда

Сознание вернулось рывком, как после слишком резкого вдоха. Сначала Тор увидел только тёмный потолок, низкий, струящийся дымом. Чёрные, закопчённые балки тянулись над ним, как обугленные корни дерева, и на миг ему показалось, что он снова в каком-то чертоге Асгарда, просто менее светлом.

Но взгляд скользнул в стороны, и иллюзия рассыпалась. Вместо сияющих щитов Вальгаллы на стене висела тяжёлая шкура медведя, с вытертым мехом на загривке. Щиты были, но простые, деревянные, с облезлой краской, кое-где со сколами по краю. Вместо золотых кубков — грубые глиняные чашки, деревянные миски, ножи без украшений. Длинные столы тянулись вдоль зала, низкие лавки рядом были заляпаны жиром и засохшей рыбой.

Воздух был густой, вязкий. В нём стоял запах дыма от очага посреди дома, кислого пота, старой рыбы, мокрой шерсти и морской соли, вьёвшейся в одежду людей. Для бога, привыкшего к чистому жару Вальгаллы, этот смешанный запах ударил в нос тяжелее любого вина. Тор сглотнул, чувствуя, как пересохло горло, и только тогда заметил, что лежит на жёсткой деревянной лавке, подложенный под голову свернувшийся в комок плащ.

По залу ходили люди. Мужчины в шерстяных туниках, подпоясанных ремнями, женщины с платками на головах, с руками в муке или с деревянными вёдрами, дети мелькали между ними, как маленькие тени. Кто-то протаскивал мимо связку сетей, кто-то нес ведро с водой от фьорда, кто-то просто сидел у огня, чиня сапоги. Никто не пал ниц при виде того, кто очнулся на лавке. На него смотрели мельком, как на ещё одну вещь в доме ярла — найденщи, которого принесло море.

Он попытался приподняться на локтях, и тело ответило болью. Рёбра кольнуло, нога заняла так, что мир на миг потемнел. Тор зарычал сквозь зубы, звук вышел глухим, человеческим, без грома за спиной. Пара мальчишек у дальнего стола обернулись, посмотрели, хихикнули и снова занялись своим — один строгал палку ножом, другой тянул его за рукав, шепча что-то про «мальчишку с волны».

Тор уже хотел сорваться, хотя бы словами, когда воздух перед ним словно сгустился. К лавке подошёл мужчина, и люди вокруг чуть отодвинулись, освобождая ему дорогу без всяких приказов. Среднего роста, плечистый, с седеющей бородой, в тяжёлой шерстяной накидке поверх кольчужной рубахи. Лицо обветренное, с морщинами у глаз, как складки на старой карте, взгляд тяжёлый, приученный измерять и взвешивать.

Это был ярл. Даже если бы Тор не знал его имени, по тому, как на него косились остальные — с привычным уважением и немного настороженно, — догадался бы. Но имя всплыло из разговоров на берегу: Сигмунд.

Ярл Сигмунд остановился рядом с лавкой, не торопясь присаживаться. Он смотрел на Тора не как на раненого и не как на гостя. Так смотрят на новый инструмент в кузнице: прикидывая, не треснет ли от первого удара и стоит ли за него платить.

— Значит, это тот, кого море швырнуло к нашим ногам, — сказал он, не повышая голоса. В нём не было ни насмешки, ни особой заинтересованности, только спокойное утверждение. Тор встретил его взгляд, сжав зубы. Внутри ещё теплилось уязвлённое достоинство сына грома, но тело под ним было тяжёлым, слабым, чужим.

— Я сам пришёл, — выдавил он, голос сорвался, прозвучал хрипло. — Море лишь дорожка. Уголок рта Сигмунда едва заметно дёрнулся, но не в улыбке. Скорее, как у человека, услышавшего не слишком удачную шутку.

— Дорога, говоришь, — тихо повторил ярл. — Посмотрим, куда она тебя приведёт, мальчишка. Он перевёл взгляд чуть ниже — на худые руки, на промокшую, до сих пор не до конца высохшую рубаху, на царапины и синяки. В этом взгляде не было жалости. Только предполо-

жение: сколько в нём силы, сколько упрямства, сможет ли тянуть сеть, держать щит, подняться в строй.

Тор вдруг очень ясно почувствовал, как далеко он от сияющих залов Асгарда. Здесь он был не богом, не сыном Одина, а найденным на лавке в длинном доме у фьорда, который ярл Сигмунд оценивает так же, как оценивает новый меч или купленную за серебро корову — пригодится или пойдёт на убой.

Рядом с Сигмундом всё это время стоял юноша, которого Тор поначалу принял за одного из дружинников. Чуть выше его самого, широкоплечий, с прямой спиной и теми движениями, в которых чувствуется привычка не уступать дорогу. Волосы, светлые, как выгоревшая верёвка, были стянуты в тугую косу, на поясе висел нож с простой, но добротной рукоятью. На нём не было золота, но сама поза говорила громче украшений: он дома.

Взгляд юноши скользнул по Тору сверху вниз, задержался на босых ступнях, на худых руках, на грубой рубахе, ещё не до конца высохшей после моря. В этом взгляде не было ни сочувствия, ни уважения — лишь холодная оценка, как у хозяина, смотрящего на привезённого с торга коня: хромает ли, потянет ли телегу.

— Это он? — спросил он у ярла, даже не удосужившись назвать найденныша как-то иначе. — Тот самый «мальчишка с волны», про которого Карл вчера полдеревни развеселил?

Голос был твёрдый, уверенный, уже привыкший звучать громко в этом доме. Тор уловил в нём отголоски Сигмунда, но без усталости — только молодая самоуверенность.

— Он, Торстейн, — коротко ответил ярл. — Море редко возвращает живых. Раз уж этого выкинуло — грех не посмотреть, на что он годится.

Имя вспыхнуло в памяти, как искра в сухой соломе. Торстейн. Сын ярла. Наследник этого дома, этих лавок, этих людей, чьи взгляды сейчас скользнули между отцом и сыном.

Торстейн чуть скривил губы. — На что он годится? — повторил он, не скрывая сомнения. — У нас и так хватает ртов. Полумёртвый чужак, которого море не до конца дожевало, — плохой обмен на лишнюю долю из котла.

Пара мужчин за соседним столом тихо хмыкнули, кто-то отвёл глаза. Тон Торстейна не был дерзким по отношению к отцу — скорее, привычным: сын, который знает, что имеет право задавать такие вопросы. Сигмунд не обернулся, всё так же глядя на Тора, но в голосе его появилась сталь.

— Рты я считать умею, — сказал он. — Лишние руки в хозяйстве не помешают. Если этот мальчишка сможет встать и держать в руках хоть что-то тяжелее деревянной ложки, польза от него будет больше, чем от многих тех, кто сидит тут годами.

Тор услышал, как в его словах звякнула невидимая мера: жизнь — как инструмент, оцениваемый по крепости. Смертные привыкли так считать, и часть его, ещё божественная, с презрением откликнулась на это. Но другая часть — та, что чувствовала боль в рёбрах и дрожь в руках, — понимала: здесь это единственный язык, на котором с ним готовы говорить.

Торстейн перевёл взгляд обратно на него. В серых глазах — ни тени страха, ни тени преклонения. — А если не сможет? — спросил он. — Если он сломается от первой же ноши? — Тогда найдём ему другое применение, — произнёс Сигмунд так спокойно, словно речь шла о треснувшем ведре или старой лодке.

Тор почувствовал, как в груди поднимается знакомый гнев. Теплый, обжигающий, тот самый, что раньше звал гром и заставлял руки крепче сжимать рукоять молота. Ему хотелось рывком подняться, встать во весь рост, чтобы этот юноша с ровной спиной увидел перед собой не «мальчишку с берега», а того, кто привык сидеть за столом Одина.

Но стоило ему чуть сильнее опереться на ладони, как слабое тело ответило резкой болью. Рёбра впились в грудь огненными кольями, в глазах потемнело, дыхание сбилось. Руки дрогнули, и он опустил обратно на лавку, чувствуя, как мышцы предательски ноют, отказываясь служить.

— Встань, если слышишь, — бросил Торстейн, будто проверяя не только его силу, но и то, сломается ли он под взглядом. — Ярлу не нужны те, кто может только лежать и стонать.

Тор встретил его взгляд, сжал зубы так, что заныла челюсть, но подняться не смог. И от того, что мешала ему не воля, а слабость плоти, ярость в нём только крепла, сплетаясь с холодным пониманием: здесь, в этом длинном доме, сила измеряется не громом, а тем, сколько ты можешь поднять, выдержать, утащить. И сейчас он проигрывал даже в этом.

Чуть в стороне от мужчин стояла девушка, будто нарочно оставляя между собой и кругом, где решали чужую судьбу, немного свободного воздуха. Светлая коса была туго стянута и перекинута через плечо, как крепкая верёвка. У стены рядом с ней прислонился круглый щит с потёртым рисунком волчьей головы, на поясе висел короткий топор с потемневшей от хватов рукоятью.

Лицо у неё было угловатым: резкие скулы, упрямый подбородок, губы, больше привычные сжиматься, чем улыбаться. В прищуренных серых глазах читалась привычка смотреть на мир прямо, не опуская взгляда и не прячась за чужими спинами. Она молча слушала разговор о найденном юноше, но по лёгкому движению бровей было видно — каждое слово она откладывает про себя.

Когда прозвучало его имя, девушка чуть склонила голову набок. — Тор, — протянула она, и в голосе не дрогнуло ни зерна почтения. — Если каждый, кто вылезает из моря, будет называться именем бога, Асгард скоро опустеет.

У очага тихо хихикнула одна из женщин, другая усмехнулась, прикрыв рот ладонью. Один из воинов фыркнул, но промолчал: к острому языку щитоноски в Хассвике привыкли. Торстейн бросил в её сторону короткий взгляд, в котором скользнуло раздражение, но спорить не стал.

Тор услышал её слова, как удар по ещё сырой гордости. Имя, которым смертные зывали к небу во время грозы, здесь стало поводом для шутки. Он медленно повернул голову, преодолевая тянущую боль в шее, и встретился с ней взглядом.

Серые, чистые, как лёд на фьорде, глаза смотрели прямо в него. В них не было ни страха, ни восхищения — только холодное любопытство: что за мальчишку принесло море? И лёгкая насмешка, как у человека, уже не раз видевшего, как мужчины хвастаются тем, чего за ними нет.

Он невольно скользнул взглядом ниже: прямая спина, уверенно расправленные плечи, рука, легко опирающаяся на край щита. В её осанке было больше силы, чем сейчас в его собственном теле. Она стояла твёрдо, как вбитый в землю столб, а он лежал на лавке, и каждая попытка приподняться отзывалась дрожью в руках и тупой болью в боку.

— Главное, чтобы он снова не захлебнулся, когда дадут в руки вёдро, — добавила Ингрид, по-прежнему не отводя от него взгляда.

Смех прокатился по залу короткой, шершавой волной. Не громкий, но цепкий, как северный ветер, забивающийся под одежду. Тор стиснул зубы, чувствуя, как под рёбрами привычным жаром поднимается гнев. Сын грома, привыкший, что одно его имя заставляет людей склонять головы, теперь был для щитоноски и рыбаков всего лишь «мальчишкой с берега» — и от этого жгло сильнее, чем соль в ранах.

Когда решение ярла уже прозвучало и люди потянулись к дверям, к котлу, к своим делам, шум в длинном доме стал ниже, глуше. Тор всё так же сидел на лавке, чувствуя, как боль в боку и ноге тянет его вниз, к доскам, а не даёт подняться. Разговоры о нём, казалось, уже успели стать частью общего гула, как о любом новом куске в хозяйстве.

До его слуха добрался иной звук — мягкий, осторожный, без тяжёлого стука сапог. Тихое шуршание ткани по полу заставило его поднять голову. Между лавками приближалась старуха в тёмной накидке, отороченной потёртым мехом. Капюшон был откинут назад, седые волосы убраны в простую косу, на шее тускло поблёскивали старые бронзовые подвески.

Её глаза сразу притянули его внимание. Тёмные, глубоко посаженные, они казались глубже воды во фьорде в самую длинную зимнюю ночь. В этих глазах не было ни простого любопытства, ни грубой деревенской прямоты — только тихое всматривание, как будто она пыталась разглядеть не его лицо, а то, что стоит за ним.

Это была вельва Астрид. Люди рядом чуть подались в стороны, когда она проходила, без окриков и жестов — просто так было привычно. Перед ярлом расступались из уважения к власти, перед ней — из уважения к тому, чего остальные не видели. Астрид присела напротив Тора на низкую скамью, скрипнув старой костью, и какое-то время просто молчала, изучая его.

Она смотрела не только на его синяки, не только на рваную рубаху и солёные следы на коже. Взгляд словно проходил сквозь него, дальше, туда, куда сам Тор ещё не смел заглянуть после падения. Он сжал зубы, стараясь не отводить глаз, хотя внутри упрямая часть его сущности шептала, что не привык бог сидеть вот так перед старой смертной женщиной.

Астрид медленно подняла руку и провела морщинистыми пальцами в воздухе, не касаясь его. Движение было осторожным, как будто она ощупывала невидимую ткань вокруг него, пальцами перебирая нити, которых остальные не замечали. Тор ощутил лёгкий холодок по коже, хотя её рука оставалась на расстоянии.

На её лице на миг промелькнула тень удивления, тонкая, как морщинка у глаза, раньше спрятанная. Будто она уловила в нём что-то, не сходящееся с привычным порядком вещей: будто запах, который не должен быть здесь, накладывается на обычный дух моря, дыма и крови.

Но вслух она сказала совсем немного. — От этого мальчишки пахнет не только морем, — негромко произнесла Астрид, не отводя от него взгляда. — За ним стоит присмотреть.

Она поднялась так же тихо, как и подошла, и ушла к очагу, оставив после себя только лёгкий шорох накидки и несколько настороженных взглядов, которыми люди ещё раз окинули «мальчишку с берега». Тор не понял, что именно она увидела, но по тому, как напряглась спина Сигмунда и как торжественно посуровел взгляд Торстейна, он почувствовал: её слова в этом доме весят не меньше, чем решение ярла.

Тора вывели из длинного дома во двор, и мир деревни ударил по нему сразу всем разом, как хлёткий ветер с фьорда. Мокрая земля, утопанная ногами людей и копытами, вязла под ступнями, оставляя чёрные следы. Влажные, потемневшие от дождей стены домов тянулись вдоль тропы, крыши, покрытые дёрном, местами заросли редкой травой. Из низких труб поднимались струйки дыма, стелились по серому небу, смешиваясь с морской сыростью.

Во дворе звуки жили своей отдельной жизнью. Визжали свиньи у загонов, на привязи рвали цепь собаки, чуя чужой запах. Женщины с закатанными рукавами таскали вёдра от колодца к дому, вода плескалась через край, обдавая подола. Дети, босиком по холодной глине, носились между взрослыми, как стайка воробьёв, то смеясь, то ругаясь, кто-то перевязывал треснувшее колено, не переставая при этом жевать корку хлеба. Мужчины сидели у стен, чинили сети, проводя пальцами толстые верёвки, проверяли кольца доспехов, вытаскивали из ножен клинки, чтобы посмотреть, не взялась ли сталь рыжей ржавчиной.

На краю деревни виднелся причал — узкая полоса досок, уходящая в тёмную воду фьорда. Несколько лодок покачивались у кольев, скрипели бортами о прибрежные камни. На одной мужчина выгребал из нутра мокрые, тяжёлые сети, рыба в них блестела, дёргалась, била хвостами по сырой древесине. Над всем этим висел привычный для местных, но новый для Тора запах: дым, рыба, мокрая шерсть, кислый пот, солёный ветер с моря — всё смешалось в один густой, тяжёлый дух Хассвика.

Тор никогда прежде не смотрел на мир так низко — с высоты человеческого роста. Не сверху, с небесных высей, где люди казались маленькими фигурками у крошечных домов, а отсюда, где виден каждый шов на рубахе, каждая морщина у глаза, каждая трещина на деревянном пороге. Каждый звук казался ему слишком резким: крик женщины, зовущей детей к

еде, ругань рыбака, уронившего нож в грязь, хлопок дверей, короткий лай собак. Каждый запах был слишком ярким, словно кто-то поднёс к лицу дымящийся факел.

Внутри стало тесно. Будто все эти звуки и запахи, этот сырой ветер, топот ног и визг свиней разом втиснули его в тело, которое он ещё не до конца принимал своим. Раньше он смотрел на подобные деревни как на точки на берегу, где живут те самые «расходные» смертные. Теперь Хасввик обступал его со всех сторон — мокрой землёй, дымом, голосами — и от этого мир казался слишком реальным, слишком близким, а расстояние до Асгарда — дальше любой Радуги, что он когда-либо пересекал.

Первое, что ему дали, был не меч и не щит, а охапка сырых поленьев. Дерево пахло влагой и корой, бревна были скользкими от дождя. Тор должен был перетаскивать их от поленицы к дому, складывать ровной стенкой у стены. Сигмунд даже не смотрел, как он справляется; приказ сорвался с его губ так буднично, будто речь шла о любом мальчишке из Хасввика.

Уже через несколько ходок Тор понял, что даже эта простая работа даёт ему тяжело. Руки дрожали, пальцы сводило, плечи ныло от непривычного веса. Спина болела, будто по ней прошлись рёбрами волны и камни сразу. Дыхание быстро сбивалось, грудь сжимала тупая боль, и приходилось останавливаться, делая вид, что он просто поправляет поленья, а не пытается унять слабость.

Во дворе жизнь текла своим чередом. Мимо него проходили люди, неся вёдра, сети, корзины. Кто-то кивал в его сторону, но чаще на него обращали внимания не больше, чем на корову у хлева. Короткие фразы бросали через плечо — «поставь там», «не урони», «шевелись» — в том тоне, в каком говорят с трэллом или бедным родственником, живущим на подаении. Его имя почти не звучало; чаще всего он был просто «мальчишка с берега».

Иногда он чувствовал на себе чужие взгляды. Торстейн, проходя мимо с копьём и щитом, останавливался на миг, оценивая, как тот держит охапку дров. В его взгляде читалось не злорадование даже, а сомнение: выдержит ли? Ингрид, выходя из хлева со вёдром, задерживала взгляд чуть дольше, чем требовалось. Прищур её глаз был резким, как лезвие: в нём смешивались любопытство и лёгкая насмешка — бог ли это, если едва не роняет поленья?

После дров был хлев. Там пахло навозом, мокрой соломой и тёплым паром от боков коров. Его поставили помогать выкидывать грязную подстилку, носить новые охапки соломы, подсыпать корм. Вилы в руках казались тяжёлыми, как копьё из свинца; каждая тележка, набитая мокрой соломой, отзывалась в мышцах тупой, тянущей болью. Когда он случайно споткнулся, расплескав навоз у порога, старуха, гонявшая свиней, только цокнула языком: — Глади под ноги, море тебе глаза не выжгло.

К вечеру силы вытекли из него, как вода из пробитой лодки. Мышцы болели так, словно по нему прошла целая армия копейщиков, нанося удары без перерыва. Руки не слушались, пальцы дрожали даже тогда, когда он просто держал деревянную чашку с похлёбкой. Каждый глоток казался тяжёлой работой, а не утолением голода. Голова гудела, в ушах ещё стоял лай собак, визг свиней, голоса людей.

Ночевать его оставили в углу длинного дома, на жёсткой подстилке из старой соломы и овечьей шкуры. Сверху на него смотрел тёмный, закопчённый потолок, балки, между которыми клубился дым от очага. Люди вокруг уже укладывались, кто-то храпел, кто-то тихо переговаривался в полголоса, звенела где-то ложка о деревянную миску. Тор лежал, не в силах повернуться без боли, и вглядывался в эту темноту.

Мысли жгли сильнее натруженных мышц. Он, сын Одина, тот, чьё имя гремело в песнях, весь день перетаскивал дрова и навоз, как слабый смертный мальчишка, а вечером валился на жёсткую подстилку, не имея сил даже позвать гром. Асгард казался бесконечно далёким, как сон после тяжёлой болезни. Штормы, которые он некогда поднимал, теперь вспоминались легче, чем этот первый смертный день. И от этого чувства — что его заставили жить как тех, кого он презирал — внутри было так пусто и горько, что любой шторм показался бы милостью.

Глава 4. Кровь двора

Утром Тора выгнали во двор длинного дома, и холодный воздух полоснул по лицу. Земля под ногами была утоптана ногами и копытами, местами серела засохшей грязью и старыми пятнами крови. Люди уже стояли полукругом, притихшие и сосредоточенные, как перед обычным, но важным делом.

В центре двора стоял мужчина в рваной рубахе, с руками, связанными за спиной грубой верёвкой. Тощие плечи подрагивали, на щеке темнел свежий синяк. Кто-то рядом с Тором шепнул, не особенно скрываясь, что это трэл, пойманный на краже: отложил часть рыбы, хотел утаить для больной жены и детей. В голосе не звучало ни сочувствия, ни презрения — просто факт, как про размер улова.

Ярл Сигмунд вышел вперёд, шаги его были ровными, тяжёлыми. Он остановился напротив связанного, оглядел его с головы до ног, будто прикидывал, сколько ещё работы можно выжать из этого тела.

— Говорят, ты утаил рыбу, — произнёс ярл. — То, что принадлежит мне и деревне.

Трэл сглотнул, глухо хрипнул:

— Господин... жена хвора, кашляет кровью, дети голодны... я думал...

— Ты думал о своих, а не о всех, — перебил Сигмунд, не повышая голоса. — Если каждый трэл начнёт так думать, Хассвик будет есть воздух.

Короткий смешок прошёл по рядам. Кто-то буркнул, что «сам виноват», кто-то только пожал плечами. Для двора это было не трагедией, а нарушением порядка.

— Наказание будет при всех, — сказал ярл. — Чтобы другим неповадно. Выпороть.

Двое мужчин подтащили трэлла к низкому столбу; верёвку протянули через перекладину, прижав его грудью к шершавому дереву. Рубаху рванули по шву, обнажив спину — худую, со старыми белёсыми рубцами.

Толстая плеть в руке дружинника свистнула в воздухе и с глухим хлопком легла по коже. Тело дёрнулось, пальцы связанных рук судорожно сжались. На спине тут же проступила ярко-красная полоса. Второй удар лёг выше, третий — косо, пересекая предыдущие. Кожа лопалась, тонкие струйки крови потянулись вниз, смешиваясь с грязью у ног.

Голос трэлла постепенно срывался с глухого рычания на короткие, рваные крики. Люди вокруг почти не морщились. Женщина рядом с Тором отвела взгляд, но мальчишка у её юбки, вытянув шею, смотрел не отрываясь, будто на урок. Один из мужчин усмехнулся:

— Дёшево отделался. Ярл мог и на колья отправить.

Тор молча следил, как плеть снова и снова врезается в спину раба, оставляя новые кровавые полосы. Ещё недавно такая сцена показалась бы ему всего лишь справедливым наказанием для слабого смертного, посмевшего нарушить порядок. Теперь же, стоя рядом, слыша каждый хриплый вдох, он видел, как кровь впитывается в землю двора так же буднично, как проливается кровь рыбы у причала. Люди вокруг не ждали грома и не просили пощады — для них всё происходящее было обычным утром Хассвика.

На каком-то ударе трэл уже не закричал, а просто согнулся почти пополам, повиснув на верёвке, как тряпичная кукла. Спина была сплошным красным месивом, отдельные полосы слились, кровь тонкими дорожками стекала по бокам, капала на утоптанную землю. Мужчина тяжело дышал, каждая судорожная попытка вдохнуть превращалась в хрип.

Тор, до этого смотревший скорее на руку с плетью, чем на того, кто её принимает, вдруг поймал его взгляд. Трэл поднял голову, будто сил у него осталось только на это движение, и их глаза встретились поверх столба. В этом взгляде не было ни покорности, ни слепой, звериной ненависти к тем, кто стоял вокруг. Только тяжёлая, выжженная до дна усталость человека, который слишком давно перестал верить в справедливость — богов, ярлов или моря.

Где-то сбоку одна из женщин отвернулась, прижимая к себе ребёнка. Но большинство продолжало смотреть, не отводя глаз, словно хотели убедиться, что наказание доведут до конца, что порядок в Хасвике останется крепким, как доски на причале. Кто-то тихо пересчитал удары, кто-то поджал губы, но никто не сделал шага вперёд.

Имя всплыло само собой, шёпотом из толпы: Ивар. Кто-то из мужчин бросил его вполголоса, вспоминая, как тот чинил сети у причала, как таскал воду для всего двора. «Ивар-рыбак», «Ивар-тихий» — слова проскользнули в воздухе, словно про обычный, давно знакомый предмет. Для деревни он был частью двора, как столб, к которому его сейчас привязали.

Тор ощутил странный жар под кожей, не похожий на привычный боевой азарт. Не тот огонь, что поднимается перед битвой, зовёт к удару и крови, а другой — сухой, колючий, будто в грудь насыпали горячего песка. Каждый свист плети, каждый глухой хлопок по чужой спине отзывался в его собственном теле фантомной болью, хотя его кожа оставалась целой. Будто верёвка проходила одновременно и по Ивару, и по нему.

Он стиснул зубы так, что заболела челюсть. Сын грома, бог, привыкший смотреть на чужую боль сверху, вдруг понял, что не может просто отвести взгляд и решить, что так надо. Внутри поднималось новое, незнакомое чувство — тяжёлое, липкое, с горьким привкусом. Несправедливость. Слово, которое раньше казалось ему жалобой слабых, сейчас вдруг обрело вес.

Но Тор стоял молча. Он не двинулся, не сказал ни слова, не шагнул между плетью и спиной трэлла. Он ещё не знал, что делать с этим жгучим ощущением, не умел превращать его ни в гром, ни в поступок. И пока он молчал, плеть в последний раз прошла по разодранной спине Ивара, а кровь впиталась в утоптанную землю двора, как впитывалась всегда — без песен, без молний, просто часть жизни Хасвика.

Когда плеть наконец замолчала, верёвку ослабили, и трэл сполз вниз, сначала на одно колено, потом на другое. Он не падал в грязь лицом — просто не мог держать себя ровно. Спина под рваными краями рубахи была сплошной красной корой, влажной, блестящей. Дыхание рвалось из груди хрипами, как у выбившейся из сил собаки.

Рядом с Тором стоял Торстейн. Он наблюдал за наказанием не с любопытством мальчишки, а с вниманием хозяина, который следит, чтобы дело довели до конца. Когда трэл качнулся и опёрся руками о землю, Торстейн криво усмехнулся.

— Кто ворует у своих, — сказал он достаточно громко, чтобы его услышали, — заслуживает куда большего, чем плеть. Радуйся, Ивар, ярл сегодня встал добрым.

В его голосе не было ни сомнения, ни внутренней борьбы — только твёрдая уверенность человека, выросшего в доме, где порядок важнее жалости. Для него это было не жестокостью, а правильным ходом: как вовремя подлатать лодку, пока она ещё держится на воде.

Тор почувствовал, как у него невольно дёрнулся уголок брови. Лоб нахмурился сам, до слов. Жар под кожей стал сильнее, и он чуть сжал пальцы в кулаки. Торстейн заметил это почти сразу — взгляд его скользнул по лицу найденыша, цепко, как по щиту в поисках трещины.

— Что, «мальчишка с берега», — язвительно протянул он, — северные зимы кажутся тебе слишком колючими? Мягко для наших порядков?

Пара человек рядом хмыкнули, один из дружинников бросил на Тора быстрый взгляд, будто уже ожидая, что тот стушует или промолчит. Но слова сами поднялись к горлу, раньше, чем он успел их обдумать.

— Сила не в том, чтобы бить связанного, — выдохнул Тор, глядя на спину Ивара и только потом на Торстейна. — Это может любой, у кого в руках плеть.

Фраза прозвучала не громом, как ему хотелось бы, а хрипло, чуть ниже обычного голоса. Но её хватило. Несколько человек вокруг настороженно повернули головы. Взгляды стали тяжелее: кто-то удивился, кто-то прищурился, будто решая, не слишком ли много позволяет себе чужак, едва вчера вытасненный из моря.

Торстейн приподнял подбородок, в глазах мелькнула холодная искра.

— Любой, говоришь? — тихо повторил он. — Любой здесь знает, что бывает, когда слабый тянет к себе больше, чем ему положено. Если ты собираешься учить нас силе — сначала попробуй не упасть от ведра воды.

Напряжение повисло между ними, как натянутая тетива. Тор уже собирался ответить — чувствовал, как слова, острые, как лезвие, поднимаются из груди. Но в этот момент Сигмунд, стоявший чуть впереди, медленно обернулся.

Взгляд ярла был коротким, но в нём было достаточно стали, чтобы перерубить любой спор. Он не сказал ни слова, не повысил голоса — просто задержал глаза сначала на сыне, потом на Торе.

В этом молчаливом предупреждении читалось ясно: наказания и порядок в Хассвике — его дело, не мальчишеских языков, не чужих эмоций. Торстейн первым отвёл взгляд, чуть дёрнув плечом. Тор почувствовал, как слова внутри будто ударились о холодный камень и рассыпались.

Люди вокруг зашевелились, кто-то уже тянул Ивара от столба, кто-то разворачивался к своим делам. Мгновение, когда его возмущение едва не прорвалось наружу, прошло, оставив в груди тяжёлый осадок: он впервые сказал вслух то, что раньше просто отбрасывал, — и сразу столкнулся с тем, что в этом дворе слова значат меньше, чем право ярла на плеть.

Через пару дней Хассвик жил так, будто никаких криков на дворе и крови на спине Ивара не было. Мужчины сидели у стен, чинили сети, пропуская грубые верёвки через тёмные, потрескавшиеся пальцы. Женщины у очага мешали похлёбку, от котлов шёл пар с запахом рыбы и ячменя. Дети носились по двору, визжа и смеясь, как стая чайек над водой: кто-то играл в драку палками, кто-то гонял деревянное колесо.

Один из мальчишек, рыжий, веснушчатый, в короткой, наспех подпоясанной рубахе, полез на крышу сарая. Он ловко карабкался по перекладине, придерживаясь за край крыши, ругаясь на мокрый, тяжёлый снег, который провисал сугробами над входом. Тор краем глаза видел, как тот, ухватившись руками за край, подтянулся, встал, выставив вперёд босую ногу.

Всё произошло слишком быстро. Доска под ногой мальчишки хрустнула, снег вместе с ним поехал вниз. Удар был глухим, коротким, как если бы мешок с зерном сбросили с телеги на землю. Но к этому глухому звуку примешался крик — пронзительный, детский, режущий по двору так, что даже собаки на цепях залаяли по-новому.

Люди обернулись почти одновременно. Кто-то выругался, кто-то уже побежал к сараю. Тор тоже двинулся вперёд, хотя тело всё ещё ныло после работы и наказаний. Мальчишку уже поднимали с земли: ноги у него висели странно, голова безвольно откинулась назад. Губы были приоткрыты, дыхание рвалось короткими, хриплыми рывками, будто воздух застревал где-то в горле.

Ребёнка перенесли в дом, положили на лавку ближе к очагу. Над ним склонилась женщина с распущенными волосами — мать, по тому, как она дрожащими руками пыталась поправить ему плечо, будто это всего лишь ушиб. Тор стоял у порога, не решаясь подойти ближе, но видел всё, как на ладони: шея мальчишки лежала под неестественным углом, глаза смотрели в потолок, не моргая, только иногда дёргались, словно что-то невидимое шарило внутри.

В воздухе стояли всхлипы. Мать тихо плакала, прижимая ладонь к губам, чтобы не завывать громко. Старуха у очага качала головой, бормоча, что «такова воля богов» и что «глупые ноги часто идут раньше головы». Мужчина, видимо отец, стоял, сжав кулаки так, что побелели костяшки, но ни слова не говорил — только смотрел, как грудь мальчишки поднимается всё реже и тяжелее.

Тор чувствовал, как внутри у него поднимается тяжёлая, вязкая волна злости. Он уже знал, что в этом слабом теле живёт странный дар — лечить раны, затягивать порезы, успокаивать лихорадку. Пальцы сами тянулись вперёд, к горлу мальчишки, к его груди, к тому месту,

где жизнь ещё цеплялась за тело. Но взгляд, брошенный мельком, был беспощаден: сломанная шея, дыхание, рвущееся хрипами, стеклянный страх в глазах. Это был тот случай, когда даже боги не любят вмешиваться.

Он стоял у порога, стиснув зубы, и казалось, что каждый судорожный вдох ребёнка отзывается у него в груди. Не громом, не желанием ударить, а бессильной злостью на всё сразу: на хлипкую доску, на мокрый снег, на слова о «воле богов», сказанные так, словно этим можно залатать треснувшую кость. На самого себя — за то, что не может протянуть руку и просто вернуть жизнь, как раньше, одним усилием.

В какой-то момент хрипы стали тише. Мать вскинула голову, будто надеясь, что это к лучшему, но через миг поняла — грудь мальчишки больше не поднимается. Кто-то перекрестил воздух ладонью, кто-то повторил то же самое «так должно было быть», уже без особой убеждённости.

Тор продолжал стоять у порога, словно его прибило гвоздём к этому месту. Он видел, как жизнь ушла из маленького тела так же буднично, как уходит тепло из остывающего очага. Никакого знака с неба, никакой песни. Только ещё одна тень в доме у фьорда. И тяжёлая волна бессильной злости внутри, которая не находила выхода ни в гром, ни в молнию, ни в слово.

После того как дыхание мальчишки окончательно стихло, женщина закрыла ему глаза дрожащими пальцами. Кто-то молча подал ей кусок грубой ткани, серой, с зацепившимися соломинками. Маленькое тело завернули плотно, как заворачивают лишнюю тушу рыбы, только движения были осторожнее, мягче. Двое мужчин подняли свёрток и отнесли в сторону, к дальней стене, там, где ставили тела, пока решали, когда идти к скалам и морю.

Женщины ещё какое-то время всхлипывали. Одна шептала что-то о том, что «такова доля», другая тихо укачивала на руках младшего ребёнка, будто стараясь укачать собственный страх. Но время в Хассвике не останавливалось. Через час та же рука, что стирала слёзы с лица, уже резала рыбу у стола, мешала похлёбку, поправляла дрова в очаге. Горшки не ждали траура: живых нужно было кормить.

Мужчины, посидев немного молча у стены, вскоре снова заговорили. Сначала пару слов о мальчике — «лазил, где не надо», «доски давно просили замены», — а потом речь сама собой перетекла к дровам: сколько осталось на зиму, хватит ли до весны, кто пойдёт в лес, если снег ляжет глубже. Потом заговорили о море, прикидывая, когда снова выходить за рыбой, учитывая ветер и ледяную корку по краям фьорда.

Смерть ребёнка легла в их разговоры, как ещё одна отметка в длинном ряду потерь. Не первая, не последняя. Как сломанная лодка, как корова, что не перезимовала. Не потому, что им было всё равно, а потому что за каждым днём стоял следующий, и тот требовал рук, сил, еды.

Тор стоял у стены, слушал эти разговоры и чувствовал, как его собственные прежние слова о «дешёвых жизнях» отзываются внутри глухим фальшивым звоном. Ещё недавно он был уверен, что смертные легко заменимы, что их кровь — просто топливо для песен. Но здесь, в тесном доме у фьорда, каждая смерть была дырой, через которую холод входил в чью-то семью. Просто о ней не кричали, чтобы не дать этому холоду разрастись.

В Асгарде о таких смертях не пели. Скальды славил павших в бою, тех, чьи имена украшали столы Вальгаллы. Дети, сорвавшиеся с крыши, женщины, умершие в родах, старики, не дожившие до весны, — все они оставались за пределами песен и пиршественных залов, как мусор, сметённый за порог. Здесь же, в Хассвике, эти тихие смерти были частью каждого дня, как холодный ветер, как серое небо над фьордом, как запах рыбы и дыма в одежде.

Тор смотрел на дверь, за которой уже готовили маленькое тело к последнему пути, и понимал: то, что раньше казалось ему мелочью, здесь было сердцем мира. И больше всего его пугало то, что он не мог отвернуться обратно к громам и песням — увиденное цеплялось за него, как сырой снег за крыши, не желая соскальзывать.

Вечером, когда в длинном доме притихли голоса и только дым от очага лениво тянулся под балками, Тор вышел во двор, будто хотел вдохнуть свежего воздуха. Свежего не вышло: его встретила та же смесь дыма, рыбы и сырой земли, но хоть не было тесноты стен и шёпота о мёртвом мальчишке.

Он стоял у края двора, глядя на тёмный фьорд, где в воде дрожали редкие огни из окон. Холодный ветер трепал подол его грубой рубахи, щипал кожу на шее. Мысли крутились вокруг одного и того же: хриплое дыхание ребёнка, бессилие руки матери, сухое «такова воля богов», сказанное так, будто этим можно заткнуть дыру в сердце.

Шаги он услышал не сразу. Тихий скрип снега и земли под лёгкими шагами, мягкий шорох ткани — это была не тяжёлая поступь рыбака. Рядом остановилась тёмная фигура, и по отороченному мехом краю накидки он сразу узнал Астрид.

— Богам виднее, кого забирать, — сказала вельва, не глядя на него, всматриваясь в ту же темноту над фьордом. — Но людям потом приходится жить с пустыми местами за столами.

В её голосе не было ни упрёка, ни попытки утешить. Только усталое знание человека, который много раз видел, как эти места появляются и уже не заполняются. Слова легли между ними, как ещё один холодный камень.

— И вы просто... принимаете это, — хрипло спросил Тор, чувствуя, как внутри снова шевелится злость. — Никто не пытается спорить с богами?

Астрид усмехнулась коротко, без веселья.

— Спорить можно, — ответила она. — Люди спорили с богами с той поры, как научились поднимать глаза к небу. Только толку мало. Они высоко, мы низко. Пока слово дойдёт туда, здесь кто-то уже успеет умереть.

Она повернулась к нему чуть боком, прищурилась, рассматривая его лицо, а потом взгляд опустился ниже — к его рукам. Загрубевшая кожа, первые мозоли от дров и вил, следы недавних порезов. Но смотрела она так, будто видела под этой кожей что-то ещё, другое.

— Но иногда, — медленно добавила вельва, — высшие силы дают человеку возможность хотя бы немного задержать чью-то смерть. Не отменить, нет. Отсрочить. Дать ещё день, ещё неделю. Иногда этого хватает, чтобы мир успел измениться.

Тор почувствовал, как внутри что-то дёрнулось. Слова Одина о даре, оставленном ему вместо молота, вспыхнули в памяти, как искра в темноте: лечить раны смертных. До этого он воспринимал это как продолжение прежней силы, жалкий её обрезок. Сейчас, после мёртвого мальчишки на лавке, это звучало иначе.

— Если боги могут дать такую возможность, — глухо сказал он, — почему они не дают её всегда?

Астрид слегка повела плечами, будто сбрасывала с них невидимую тяжесть.

— Потому что они — боги, а не няньки, — ответила она. — И потому что иногда им нужно, чтобы кто-то научился сам решать, за чью жизнь стоит драться, а за чью — нет. Это не их урок. Это твой. Наш. Человеческий.

Она ещё раз посмотрела на его руки, задержавшись на мгновение дольше, чем прежде.

— Запомни, мальчишка, — тихо сказала вельва. — Если уж тебе дали возможность задержать чью-то смерть, не разбрасывай её, как пустыми словами. Такие дары забирают, если ими кидаются.

Она ушла так же тихо, как пришла, оставив его одного с фьордом, ветром и собственными мыслями. Эти слова застряли в голове Тора, как заноза под ногтем: мешали, ныло от них, уснуть не давали. Лёжа позже на своей жёсткой подстилке в углу, он снова и снова видел перед собой маленькое тело на лавке и шепот Астрид о тех, кто может задержать смерть. И впервые за долгое время ему было страшно не умереть самому, а однажды не успеть протянуть руку, когда это будет нужно.

Глава 5. Руки, которые лечат

Через несколько дней Тора послали к женщинам у причала — таскать вёдра, подавать корзины, убирать с настила обрезки сетей, чтобы никто не спотыкался. Взрослые сновали туда-сюда, а дети, как всегда, путались под ногами, бегали по скользким доскам, играя в свои игры между бочками и лодками.

Одна девочка, Лив, рыжая, конопатая, в короткой рубахе, бежала вдоль самого края причала, смеясь, оглядываясь на кого-то из друзей. Нога соскользнула по мокрой доске, она споткнулась, полетела вперёд и с хрустом ударилась голенью о торчащий ржавый гвоздь.

Крик разорвал шум причала — высокий, пронзительный, как визг чайки над морем. Лив сразу вскочить не смогла, лишь села, хватаясь руками за ногу. Кровь быстро залила её кожу, густая, ярко-красная, побежала по голени, капая на серое дерево настила. Женщина, вероятно мать, бросилась к ней почти сразу, едва заметив. Колени её ударились о доски, она прижала девочку к себе, пытаясь заткнуть рану куском тряпки. Но пальцы дрожали, ткань пропитывалась кровью, становилась тёмной и тяжёлой, а Лив всё равно всхлипывала и дёргалась, глядя на свою ногу широко распахнутыми глазами.

Тор стоял в паре шагов, с охапкой мокрых верёвок в руках, и не мог отвести взгляд. Тонкая детская нога, расплосованная рваным краем раны, блестящая кровь, которая стекала на дерево, оставляя неровные пятна. В груди у него всё сжалось, словно вокруг сердца затянули тугую верёвку.

В голове вспыхнула мысль: если он действительно лишён силы, если всё, что было раньше, отрезано, как ненужный хвост, то зачем тогда слова Одина о даре, оставленном ему? «Будешь лечить их раны» — звучало как насмешка, пока он только таскал дрова и навоз.

Лив всхлинула громче, мать зашептала ей что-то успокаивающее, но в голосе самой дрожала паника. Кровь продолжала сочиться из раны, и Тор поймал на себе быстрый, почти молитвенный взгляд женщины — она смотрела на всех вокруг сразу, будто спрашивая: «Кто-нибудь, помогите».

Он опустил верёвки на настил, почувствовав, как внутри поднимается тяжёлое, упрямое решение. Если дар есть — он обязан узнать, что это такое. Если нет — то все слова Одина были пустым звуком. И от этой мысли ему стало ещё теснее в собственном, смертном теле.

Тор опустился рядом с девочкой на колени, сам толком не понимая, что собирается делать. Мокрые доски причала холодили колени, запах рыбы и соли бил в нос, но всё это отодвинулось, когда он увидел её лицо — перекошенное плачем, слипшиеся от слёз ресницы, дрожащие губы.

Инстинкт подсказал ему протянуть руки. Он осторожно взял её ногу ладонями чуть выше раны, стараясь не причинить лишней боли. Под пальцами пульсировала чужая жизнь, частая, сбивчивая; вместе с ней, будто в такт, отзывалась и боль — чужая, но чувствовавшаяся так, словно это его кожа разодрана ржавым железом.

От груди к рукам медленно поднялось тепло. Не то, к которому он привык, вызывая молнию, — не резкий жар грома, а тяжёлое, тягучее, как расплавленный металл, проливающийся изнутри. Пальцы будто налились тяжестью, дыхание на миг перехватило. Лив перестала кричать; только всхлипывала, глядя на него широко раскрытыми глазами, в которых стоял страх и слабая надежда.

Кровь, ещё недавно сочившаяся из рваной раны, стала униматься. Красные капли всё медленнее стекали по коже, как если бы невидимая рука сжимала сосуды изнутри. Края разреза, неровные, рваные, начали медленно стягиваться друг к другу, розовея, затягиваясь свежей плотью. На месте грязной, глубокой раны через несколько мгновений остался только красноватый след, словно девочка ударилась, но не разодрала ногу о железо.

Тор выдохнул, убирая руки, и вдруг почувствовал, как мир чуть накренился. В голове на миг зашумело, пальцы стали ватными, будто он таскал дрова весь день без передышки. Лив, осторожно пошевелила ногой, затем ещё раз, и, всхлипнув, уставилась на своё почти целое голое колено. Мать, всё это время застывшая рядом, прижала ладонь к губам, словно боялась, что сейчас крикнет от удивления.

Вокруг уже начали шептаться. Женщины переглядывались, одна торопливо перекрестила воздух рукой, другая зашептала что-то про «знак богов». Мужчина у ближайшей лодки уставился на Тора так, будто впервые его видел. «Чужак...», «видел, что он сделал?», «руки как у вельвы?» — обрывки фраз долетали до него, как гул прибоя.

Тор смотрел на тонкую, уже почти не кровоточащую ногу Лив и понимал: дар, о котором говорил Один, не был пустыми словами. Но вместе с этим знанием в нём что-то тяжело перевернулось — впервые он не взял у смертных, а отдал им часть себя, и это казалось не меньшим чудом, чем любой гром над Асгардом.

Сразу после этого мир качнулся, как палуба в шторм. Звук волн, ударяющих о сваи, на миг смешался с гулом в его голове. В ушах загудело так, будто гром разом ушёл внутрь черепа, перед глазами потемнело, края причала расплылись. Тор едва успел выставить руку, опираясь ладонью о мокрые доски, чтобы не свалиться рядом с девочкой.

Тело налилось тяжестью, словно он только что вытащил на берег не одну сеть, а десяток, полных рыбы и водорослей. Плечи ныло, дыхание сбилось, сердце колотилось слишком громко для такого малого дела. Он чувствовал, как каждая мышца чуть подрагивает, будто по ней прошёл ледяной ветер.

Женщина тем временем уже прижимала Лив к себе, целуя в макушку, крестя её по своему обычаю. Она торопливо благодарила Тора — слова сыпались одно за другим, но до него они доносились, как сквозь воду. Отдельные звуки, обрывки фраз: «спасибо», «спас», «боги услышали». Лицо её было мокрым от слёз, но в глазах впервые за день светилось не отчаяние, а облегчение.

Лив осторожно сползла с настила, попробовала встать на обе ноги. Немного поморщилась, но устояла, и тут же прилипла к матери, вцепившись в её юбку. На досках под ними осталось только несколько тёмных пятен крови, уже подсыхающих на ветру. Никто бы и не сказал, что минуту назад здесь зияла рваная рана.

Тор выпрямился, заставляя себя не показывать слабость, хотя всё тело сопротивлялось этому движению. Внутри было ощущение, будто из него вычерпали ковш тёплой воды и вылили в море. Не как после боя, когда усталость приходит от ударов, веса оружия, от напряжённых мышц и тяжёлого дыхания. Здесь сила уходила не из рук и ног — она вытягивалась откуда-то из самой глубины, из того места, где раньше в нём жил гром.

Он поймал себя на мысли, что если сейчас с кем-то случится ещё беда и от него потребуют повторить то же самое, он просто выжмется досуха, как мокрая тряпка над бочкой. В груди стало пусто и холодно, как в опустевшем котле.

Шёпот вокруг не стихал, люди всё ещё переговаривались, поглядывая на него. Тор молча поднял с настила охапку верёвок, чувствуя, как пальцы чуть дрожат, и вернулся к работе. Теперь он знал: дар Одина не был подарком без цены.

Каждый раз, когда он будет тянуть чужую боль на себя, часть его собственной силы будет уходить вместе с ней в холодную глубину, и вернуть её обратно будет не так-то просто.

К вечеру в длинном доме стало теплее от огня и тише от усталости. Люди доедали похлёбку, кто-то уже растягивался на лавках, дым под потолком висел тяжёлым слоем. Тор вошёл, чувствуя в плечах ту самую пустую тяжесть после причала, и хотел просто пройти к своему углу, когда заметил у очага тёмную фигуру.

Астрид сидела, поджав под себя ноги, и смотрела не на пламя, а прямо на дверь, словно ждала именно того мгновения, когда он появится. Её глаза блеснули в полумраке, и Тор понял, что уйти незамеченным не выйдет.

— Слышала про Лив, — сказала вельва, не вставая. — Говорят, кровь у неё перестала течь, как только ты приложил руки. Рана затянулась быстрее, чем женщины успели позвать богов.

В её голосе не было ни удивления, ни благодарности. Просто сухое подтверждение того, в чём она, похоже, уже была уверена. Тор остановился на полпути к лавке, плечи невольно напряглись. Усталость после исцеления ещё звенела в мышцах, как натянутая струна.

— Ты хоть понимаешь, из какого колодца черпаешь эту силу? — Астрид чуть склонила голову набок, изучая его лицо. — Вода там не бесконечна. Кто пьёт жадно, однажды наклоняется — а там только сухое дно и эхо.

Слова неприятно отозвались внутри. Тор вспомнил, как мир качнулся под ногами, когда он отпустил ногу девочки, как тяжело было сделать простой вдох. Он отвёл взгляд, будто отмахиваясь от её правоты.

— Я не собираюсь быть ни лекарем, ни вельвой, — резко бросил он. — Я воин. Астрид усмехнулась коротко, без улыбки в глазах.

— Мир редко спрашивает людей, кем они хотят быть, — сказала она тихо. — Особенно тех, за кем тянется запах грома. Таких либо ломают, либо используют. Иногда и то, и другое сразу.

Она задержала взгляд на его руках — на ободранных костяшках, свежих мозолях, тонких белёсых шрамах. Тор почувствовал себя так, словно она видит не кожу, а то, что живёт под ней.

— Думай о том, куда тратишь то, что тебе дали, — добавила Астрид уже вполголоса. — Если это дар богов, они спросят за каждую каплю. Если не их — тем более.

Она отвернулась к огню, давая понять, что разговор окончен. А слова её остались в голове Тора, как заноза под ногтем: мешали, ныло от них, и даже когда он лёг на свою жёсткую подстилку в углу, перед глазами всё равно всплывали лицо Лив и тёмные глаза вельвы, говорящие о колодце, который можно однажды исчерпать до дна.

В Хассвике новости ходили быстрее ветра по фьорду. Уже на следующий день у колодца шептались о том, что «мальчишка с берега» умеет исцелять так, будто боги держат на нём особый взгляд. У очага женщины пересказывали друг другу, как Лив «ещё миг назад заливала доски кровью, а потом встала, будто просто ударилась». На причале рыбаки спорили, чья это заслуга: одни кивали на богов, другие осторожно говорили, что не всякая божественная милость проходит через руки трэллов и найденьшей.

С тех пор, как Тор проходил по двору с вёдром или охапкой дров, взгляды задерживались на нём дольше. Одни смотрели с открытым любопытством, почти не скрываясь: в их глазах он был живой сказкой, чем-то вроде ходячей истории скальда, которую интересно потрогать локтем. Другие — с тревогой, невольно крестя воздух ладонью, когда он оказывался слишком близко; сила, даже если она спасает ребёнка, пугает тех, кто каждый день живёт рядом со смертью и знает, что за любой дар рано или поздно попросят цену. Третьи щурились с завистью, перешёптываясь, что «такая способность не может достаться просто так» и что, может статься, однажды за неё расплачиваться придётся всей деревне, а не только самому чужаку.

Тор слышал обрывки этих разговоров, будто стоял на мели, а вокруг него плескались волны чужих слов. «Боговы руки», «руки вельвы», «метка асов» — одни называли его дар благословением, другие шептали о возможной беде. Кто-то уже прикидывал, как хорошо иметь в Хассвике своего лекаря, который может поднять на ноги раненого воина перед походом, вытащить ребёнка из горячки или залатать прокушенную волком ногу. А кто-то, напротив, видя в нём чужака, морщился: слишком легко люди привыкали к помощи, которая могла исчезнуть так же внезапно, как появилась.

Торстейн поначалу только отмахивался. При каждом упоминании причала он хмыкал и говорил, что девчонке просто повезло, рана была не особенно глубока, а перевязка — ловкой. «Кровь у детей сама по себе быстро затывается», — бросал он, и некоторые согласно кивали, не желая видеть в случившемся ничего необычного. Но когда к нему подошли двое, кто стоял тогда совсем рядом, и подробно, с жестами, рассказывали, как у них на глазах рваная кожа стянулась, как перестала течь кровь, как девочка встала и пошла, — в голосе Торстейна появилась жёсткая настороженность. Он всё чаще задерживал взгляд на Торе, словно проверяя, нет ли за его плечом тени, которую способен увидеть только тот, кто вырос под крышей ярла.

Ингрид отреагировала по-своему. Однажды, проходя мимо Тора во дворе с щитом за спиной и косой, перекинутой через плечо, она остановилась на полшага, оглядела его с головы до ног: ободранные костяшки, синяк под ребром, грубую рубаху, заляпанную грязью.

— Если ты и вправду умеешь латать чужую кожу, — бросила она, прищурившись, — начни со своих синяков. Нехорошо целителю самому выглядеть так, будто его била старая корова с дурным характером.

У ближайшей стены хмыкнули двое мужчин, но смех вышел коротким, неуверенным. В её словах звенела насмешка, но под ней Тору явственно слышалось другое — тот самый непрощенный интерес. Ингрид не отвернулась сразу, задержала взгляд, будто пыталась понять, кто перед ней: трэл с удачей, любимец богов, которых она не особенно почитала, или чужак, чья сила ещё обернётся Хассвику либо спасением, либо бедой.

Тор, чувствуя на себе эти разные взгляды, понимал: его дар уже перестал быть только его делом. Деревня начала привыкать к мысли, что «мальчишка с берега» может вмешаться между смертью и живыми. А там, где люди привыкают, появляются ожидания и требования. И самое тревожное было в том, что он сам ещё толком не знал, на что способен — и какой ценой каждый раз платит за то, чтобы чья-то кровь перестала капать на серые доски причала.

Ночью, когда в длинном доме уже стихли голоса и только кто-то редкий покашливал во сне, Тор лежал на своей жёсткой подстилке в углу и смотрел в тёмный, закопчённый потолок. Солома под спиной кололась, шкура плохо держала тепло, но сон не приходил. Внутри всё ещё звенел день, как туго натянутая струна.

Он снова и снова прокручивал в голове момент у причала: скользкие доски под коленями, тонкая нога Лив, горячая от боли, и то странное тепло, которое поднялось из груди к пальцам. Как оно лилось в чужую рану, как будто часть его самого уходила в эту крошечную девчонку. Почему от этого ему стало хуже, чем после любой драки, чем после самых тяжёлых тренировок в Асгарде?

Слова Одина всплывали в памяти сами собой, будто их шептал кто-то из тёмных углов: «Лишаю тебя силы, лишаю молота. Оставляю дар лечить раны смертных. И одно право — обратиться ко мне с просьбой». Тогда это казалось пустой заменой, обрубком вместо настоящей мощи. Сейчас, после Лив, этот дар вдруг обрёл вес, похожий на кандалы. Мысль о том, чтобы уже сейчас позвать отца, вспыхнула, как молния: потребовать вернуть молот, тело бога, прежнюю силу. Вернуть всё назад, стереть холод моря, боль в мышцах, эти бесконечные дрова и хлев. Представить было легко: гром, раскалывающий небо над Хассвиком, Радуга под ногами, тяжесть Мьельнира в ладони. Сладко — до тошноты.

Но вместе с этим в груди поднялось другое чувство — тяжёлое, липкое, похожее на трусость. Позвать Одина сейчас значило признать, что он не выдержал первого же испытания, что море, дрова и одна детская рана оказались сильнее сына грома. Тор стиснул зубы, чувствуя, как ноют от напряжения челюсти.

Он перевёл взгляд в сторону узкого проёма двери, где виднелась полоска ночного неба, затянутая облаками. «Не буду просить, — подумал он, будто бросал вызов самому небу. — Не раньше, чем докажу, что могу выстоять в этой жизни сам. Без молота. Без грома. В их грязи, в их боли».

Но даже после этого решения внутри всё равно шевелился немой вопрос, который он не решался произнести вслух. Зачем богу, привыкшему ломать, руки, которые лечат? Зачем тому, кто всегда был молнией, становиться теми, кто зашивает после неё раны? Ответа не было. Только треск затухающего угля в очаге и тяжесть чужого мира, легшая на него, как слишком плотное одеяло, из которого уже нельзя выбраться одним прыжком в гром.

Глава 6. Дерево и сталь

Утренний воздух резал кожу так, будто в него подмешали мелко толчёный лёд. Тор тащил охапку дров к длинному дому, когда вдруг услышал, как его имя громко разрезало двор.

— Тор!

Голос был молодой, уверенный, с привычной к власти твёрдостью. Он обернулся. Посреди двора стоял Торстейн с деревянным мечом в руке; за спиной, за ремнём, висел стальной — как напоминание о том, к чему здесь стремится каждый юноша.

Рядом уже гремела тренировка. Несколько пар подростков отрабатывали удары и блоки под присмотром воина из дружины ярла — широкоплечего, с шрамом через подбородок. Деревянные мечи стучались друг о друга, кто-то шипел от ушиба, кто-то коротко ругался, но не прекращал движения. Пар от дыхания клубился над их головами, смешиваясь с дымом от ближайшего очага.

Торстейн не стал долго говорить. Он перехватил лежавшее у ног копьё, короткое, учебное, и бросил его через двор резким, точным движением.

— В строй, мальчишка с берега, — сказал он. — Пора узнать, годишься ли ты хоть на что-то, кроме перевязок.

Тор успел выронить дрова и шагнуть вперёд. Копьё летело не так быстро, как настоящий боевой бросок, но хватало, чтобы проверить, не уронит ли его тот, кто привык держать в руках только вёдра. Он протянул руки чуть поздно, неловко, но всё же поймал древко, тяжело ударившее по ладоням. Дерево дрогнуло, почти выскочило, однако он удержал его, сжав пальцы до боли.

По двору пробежал шёпот, как лёгкий ветерок. Те, кто притворялся занятым своим делом, подняли головы. Для всех стало ясно: ярлов сын не просто позвал его «для забавы». Теперь мальчишка с берега должен был доказать своё право стоять среди тех, кто тренируется со сталью, а не только среди женщин у очага и трэлов в хлеву.

Тор почувствовал, как внутри поднимается знакомый жар. Давно он не стоял в кругу с оружием, пусть и деревянным. Руки помнили вес молота, тело — вкус боя, но слабые мышцы смертного тела ныло, как после долгого пути. Он шагнул ближе к строю, чувствуя на себе взгляды — любопытные, холодные, настороженные.

— Двигайся живее, целитель, — усмехнулся Торстейн, разворачиваясь к нему. — Посмотрим, как твои руки работают, когда перед ними не кровь, а сталь.

Древко копья неприятно врезалось в ладонь, шероховатое, слишком лёгкое и пустое. Ничего общего с тяжестью Мьельнира, с тем знакомым откликом силы, который раньше шёл от любого оружия в его руках. Сейчас дерево казалось чужим, как палка, случайно поднятая с земли.

Тора выставили против широкоплечего парня, лет на пару старше его нового тела. На лице у того уже пробивалась рыжая щетина, на предплечьях — старые шрамы от порезов. Он стоял твёрдо, по-кошачьи пружинно, вертя в руках деревянный меч так, будто тот был продолжением его самого. Тор краем уха услышал, как кто-то шепнул: «Он уже два года в набегах, берегись, целитель». Сам парень усмехался так, как смеются те, кто привык побеждать и считать себя почти непобедимыми.

Наставник из дружины, сжавший руки на рукояти собственного меча, бросил короткий взгляд на обоих и едва заметно кивнул. Этого было достаточно — сигнал к началу.

Противник рванул вперёд сразу, без раскачки, как волна, бьющаяся о камни. Первый удар пришёлся по копьё Тора так резко, что древко завибрировало, как живая змейка. Пальцы онемели от удара, кисть пронзило тупой болью, ноги сами поехали назад по утрамбованной земле. Пятки скользнули по грязи, на мгновение он едва удержался, чтобы не сесть прямо там.

Второй удар последовал почти сразу. Парень ударил сбоку, ловко подцепив его копьё ближе к концу. Дерево вывернуло из рук, словно само захотело уйти к более привычному хозяину, и оружие с глухим стуком упало в сторону. В ладонях осталась только жаркая пульсация, как после удара камнем.

Тор ещё только успевал понять, что остался без копья, когда третий удар вообще был не оружием. Противник пошёл вперёд корпусом и толкнул его плечом в грудь — жёстко, без особой злобы, но с уверенностью того, кто знает, что стоит крепче. Воздух вышибло из лёгких, ноги окончательно запутались, и Тор полетел назад, спиной в холодную, вязкую грязь двора.

Земля встретила его глухим шлепком. В лицо брызнуло, в ухо попала мокрая глина. Небо на миг качнулось, над ним возникли силуэты — Торстейн, наставник, несколько мальчишек, выстроившихся сбоку. Смех подхватил двор, вспыхнув вокруг, как костёр в сухой траве.

Смех был громким, но в нём звучало не столько злорадство, сколько ожидаемое удовольствие от зрелища: сильный валит слабого, чужак падает в грязь с первого захода. Для Хассвика это было почти таким же привычным утром, как разделка рыбы у причала. Для Тора — очередным напоминанием о том, как далеко он сейчас от того, кем был, держа в руках молот грома.

Тор поднялся, чувствуя, как по спине медленно стекает холодная грязь, забираясь под рубаху. Плечи заныли, ладони горели от ударов, но сильнее всего жгло не тело, а смех вокруг. В Асгарде любой, кто осмелился бы так смеяться над ним, давно лежал бы под молотом, не поднимаясь. Там гнев всегда находил выход в гром и сталь.

Здесь его гнев разбивался о простую, как камень, вещь: у него не было ни молота, ни божественной силы. Только наполовину обмороженные пальцы, босые ступни на холодной земле и пустые ладони, не знающие, за что ухватиться, кроме грубого дерева копья. Он стиснул зубы, нагнулся, поднял древко, на миг сжав его так крепко, будто от этого оно могло стать тяжелее и послушнее.

— Ещё раз, — коротко бросил наставник, не проявляя ни жалости, ни злорадства. Для него это была всего лишь ещё одна неуклюжая попытка мальчишки встать в строй.

Тор сам пошёл вперёд, пытаясь атаковать первым. Гнев гнал его, подталкивал, но тело не успевало за этим внутренним огнём. Движения были тяжёлыми, угловатыми, неотточенными. Копьё шло по слишком широкой дуге, шаги были то слишком короткими, то слишком длинными, дыхание сбивалось раньше, чем он успевал толком нанести удар.

Противник встретил его без видимого усилия. Деревянный меч легко отбивал удары, будто отгонял навязчивую муху, а не отражал атаку равного. Один, второй, третий блок — и по тому, как уверенно он двигался, было видно: для него это почти игра. В его глазах не было страха, только внимательное, чуть насмешливое наблюдение за тем, как чужак рвётся вперёд, не понимая, что его шаги читаются заранее.

Ещё одна попытка — Тор резко рванулся вбок, пытаясь зайти с неожиданной стороны, но ноги запутались в собственном темпе. Удар получился запоздалым, копьё ушло в пустоту, лишь чиркнув по деревянному мечу противника. Тот ответил коротким, отрывистым движением, легко выбивая древко в сторону, и Тору снова пришлось удерживать его обеими руками, чтобы не выронить.

Каждый промах напоминал ему, что он теперь не бог среди смертных, а слабый юноша среди тех, кто годами живёт войной. Их тела знали вес оружия лучше, чем вес сна, их мышцы помнили сотни ударов и падений. Его же новое тело знало вёдра, дрова, хлев и ледяную воду. Гнев кипел, но не превращался ни в гром, ни в молнию — только в тягучее, мучительное ощущение собственной беспомощности, от которого хотелось выть не меньше, чем от боли в пальцах.

После очередного падения Тор остался сидеть в грязи, опираясь рукой о землю, пытаясь снова поймать дыхание. В боку колело, ладони пульсировали, копьё лежало рядом, как обиженная палка, от которой не было толку.

Рядом с ним вдруг опустилось на одно колено чьё-то колено в потёртых кожаных штанах. Тор поднял взгляд — рядом была Ингрид, с деревянным мечом в руке и щитом за спиной. Щёки у неё вспыхнули от холода и тренировок, в глазах блестело то самое упрямое, колючее выражение.

— Ты держишь копьё, как палку для костра, — коротко сказала она, даже не поздоровавшись. — Не как оружие.

Она перехватила древко, сунула ему в ладони повыше.

— Левая нога вперёд, вот так. Вес не назад, а на середину. Хочешь падать дальше — стой, как старый дед.

Тор отгрызнулся, сжимая зубы:

— Я не просил твоей помощи.

Ингрид фыркнула, откинув с лица прядь, вырвавшуюся из косы.

— Тогда лежи в грязи и не ной, бог грома, — бросила она. — Если собираешься ещё когда-нибудь встать с земли, заткнись и слушай.

Она рывком поставила его на ноги, развернула корпус, заставив переставить ступни. Несколько раз грубо толкнула в плечо, проверяя, не падает ли.

— Так уже лучше. Если тебя можно валить одним толчком, никакая молния не поможет, — буркнула Ингрид.

Её прикосновения были резкими, деловыми: она брала его за запястье, разворачивала, опускала локоть, поправляла хват на древке, как воин, привыкший иметь дело со сталью, а не с чьими-то обидами. В её движениях не было ни жалости, ни заискивания — только желание, чтобы тот, кто стоит рядом в строю, не оказался слабым звеном.

Тор чувствовал, как в нём борются ярость и странная благодарность. Каждое её замечание звучало как укол, но тело постепенно начинало понимать: так устойчивее, так легче удерживать удар, так руки меньше дрожат.

На миг их взгляды встретились. В серых глазах Ингрид мелькнуло что-то ещё, кроме насмешки: внимательный интерес, как у человека, решающего, сломается ли чужак под первыми ударами или научится стоять. Сможет ли тот, кто потерял молот, хотя бы правильно держать копьё.

Тренировку наблюдал Сигмунд. Он стоял у края двора, чуть в стороне от остальных, опершись рукой о столб забора, как судья на тынге, который слушает спор до конца, не перебивая. Его плащ слегка колыхался от ветра, лицо оставалось неподвижным, но взгляд не пропускал ни одного падения, ни одного удара.

Тор всё реже ощущал морозный воздух — грудь жгло, дыхание рвалось короткими рывками, пальцы плохо сжимали древко. Он падал, поднимался, снова бросался вперёд, чувствовал, как мышцы горят, словно их натирала раскалённым железом. Иногда получалось удержаться на ногах, иногда — парировать удар, чаще всего — снова встретить землю плечом или спиной. Но он всё равно поднимал копьё и не уходил с площадки, даже когда глаза темнели от усталости.

Сигмунд смотрел на это не как отец на сына и не как скальд на будущего героя. Скорее как хозяин на новый инструмент: гнётся ли, ломается ли, стоит ли тратить на него ещё дерево и время. Он видел, как Тор злится, как глушит эту злость, заставляя себя встать, как снова идёт вперёд, хотя каждый шаг даётся тяжелее прежнего.

Когда жар в мышцах и лёгких стал почти невыносимым, наставник уже собирался гнать юношей дальше, но ярл поднял руку. Движение было коротким, и сразу всю площадку будто взяли за горло: стук дерева стих, ребята опустили оружие.

— Довольно, — сказал Сигмунд. Голос прозвучал негромко, но так, что его услышали даже у ворот. — Чужак с берега будет продолжать тренировки вместе с остальными. Пока не покажет, что может держать щит в строю.

В его словах не было ни особой веры, ни презрения. Только сухое, практичное решение человека, который привык считать людей так же, как считает лодки и копыя: лишняя рука с оружием всегда пригодится, если её научить не дрожать.

Для Тора эти слова прозвучали как приговор и как шанс одновременно. Приговор — потому что пути назад, к дровам и хлеву, уже не было: теперь с него будут спрашивать, как с того, кто встал в круг воинов. Шанс — потому что впервые его судьба в деревне зависела не от грома и не от милости Одина, а от того, сколько ударов он выдержит и сколько раз сможет подняться с грязи, стискивая в пальцах грубое древко вместо рукояти молота.

Когда вечерний холод начал пропитывать двор, Тор сел у стены кузницы, опершись спиной о грубые, закопчённые брёвна. Камни под ним были жёсткими, сырыми, но сил искать место помягче не осталось. Руки мелко дрожали, каждый вдох отзывался болью в рёбрах, в плечах пульсировали багровые пятна от ударов деревянных мечей.

Он опустил взгляд на свои ладони. Кожа на них огрубела от дров и вёдер, костяшки были сбиты, на пальцах краснели свежие мозоли от копыя. Эти же руки ещё недавно держали молот, от которого дрожали горы и трескались скалы. Тогда один размах решал исход битвы, а гром сам спешил в них, как верный пёс. Теперь те же руки дрожали от усталости после обычной учебной схватки и едва могли поднять деревянное древко.

Мысли роились, как злые осы. «Низко пал» — шипело внутри. Сына Одина валят в грязь мальчишки, которые никогда не видели Асгарда; ярл оценивает его, как ещё одну пару рук к веслу; деревня шепчется о даре, который выжимает его досуха. В Асгарде такого не было: там его гнев был оружием, а не немой болью, зажатой в груди.

Но вместе с горечью всплывал другой образ — рыжая Лив, бегущая по двору уже без хромоты, с такой же глупой детской улыбкой, как у всех местных детей. Та самая нога, из которой текла кровь на серые доски причала, теперь уверенно ступала по грязи у хлева. И где-то рядом в доме, наверное, сидит её мать, которая уже не боится, что дочь останется калекой.

Тор медленно сжал ладони в кулаки, прислушиваясь к дрожи в пальцах. Между болью, гневом и усталостью что-то менялось, как лёд на реке под первыми тёплыми струями. Он начинал понимать простую, неприятную вещь: чтобы выжить здесь, мало помнить, кем он был наверху. Придётся научиться жить по правилам смертных — падать, вставать, таскать дрова, держать копьё, лечить их раны и платить за это своей силой.

Небо над Хассвиком темнело, тучами заволакивая редкие звёзды. Тор поднял глаза, будто ожидая, что где-то там вспыхнет знакомый знак, что гром снова положат ему в ладонь. Но небо молчало. И он впервые не только злился на эту тишину, но и признавал: пока она длится, его путь здесь будет измеряться не раскатами грома, а тем, сколько ударов он выдержит и сколько смертных сумеет удержать на ногах своими, смертными же руками.

Глава 7. Чужак среди своих

Дни в Хассвике потянулись один за другим, как связка одинаковых серых облаков над фьордом. Тор вставал с первыми звуками во дворе: лай собак, скрип двери хлева, тяжёлые шаги к колодцу. Сырой холод лез в рубаху, бодрил лучше любого окрика. Он брал вёдра, таскал воду, тянул поленья к очагам, помогал в стойлах — выкидывал грязную солому, подсыпал свежую, гонял упрямых свиней к корыту.

Сначала каждое движение отзывалось болью в непривычных мышцах. Плечи ныли, поясница тянула так, будто по ней прошёлся молот, руки дрожали от ведра с водой не меньше, чем раньше — от боевого топора. Но неделя за неделей тело стало чуть крепче. Спина уже не ломалась от одной охапки дров, пальцы уверенно сжимали ручки вёдер, шаги по двору стали ровнее, тяжесть перестала казаться непосильной.

Люди тоже начали меняться в отношении к нему, хоть и медленно. Они меньше пялились, перестали оборачиваться на каждый его шаг, как на диковинную рыбу, выброшенную морем. В их глазах странный пришелец постепенно превращался в ещё одну фигуру на фоне деревни: парень, который носит воду, выносит навоз и по утрам выходит на тренировку с копьём.

Иногда кто-то кивал ему при встрече у колодца или у причала — коротко, без лишних слов. Во время работы могли бросить: «Держи крепче», «Не урони», «Подай сюда» — тем же тоном, каким обращались к любому юноше. Для Хассвика это было почти признанием: раз с тебя спрашивают по-обычному, значит, считают своим, пусть и с прицепом «мальчишка с берега».

Но каждый вечер, когда он ложился на свою жёсткую подстилку в углу длинного дома и смотрел в закопчённый потолок, Тор ясно чувствовал, что между ним и этими людьми всё равно лежит пропасть. Не та, что измеряется длиной фьорда или высотой гор, а другая — небесного происхождения. Он помнил гром, Радугу, взгляд Одина, их слова о судьбе и крови, и знал: как бы глубоко он ни влез в их грязь и дым, в нём всё равно живёт то, чего они никогда не увидят. И именно из-за этого он оставался чужаком среди своих, каким бы привычным ни становился его силуэт в узких проходах Хассвика.

Чаще других рядом с Тором оказывался тот самый трэл, которого недавно пороли во дворе, — Ивар. Он работал тихо, почти бесшумно: таскал воду, выносил навоз, чинил сети у стены, не поднимая лишней раз головы. Спина его ещё помнила удары — при каждом наклоне лицо немного бледнело, губы сжимались, но ни жалобы, ни стоны от него не слышно было, будто он боялся самого звука своей боли.

Однажды, разбирая вместе с ним груды мокрой соломы у хлева, Тор заметил, как Ивар вдруг задержал дыхание и замер, опершись руками о вилы. Плечи его дрогнули, словно кто-то невидимый ударил по свежим шрамам. Пот блестел у него на висках, а губы побелели.

— Сядь, — коротко сказал Тор, кивнув в сторону тени у стены. — Иначе свалишься прямо в навоз, толку от тебя будет ещё меньше.

Ивар послушался неожиданно быстро, опустился на низкий порог хлева. Тор присел рядом, протянул руку и коснулся его плеча. Кожа под пальцами вздрогнула, мышцы напряглись — тело всё ещё помнило плеть и реагировало на любое прикосновение, как на новый удар.

— Тише, — буркнул Тор, больше себе, чем Ивару. Он провёл ладонью чуть выше, вдоль спины, не нажимая. Сквозь грубую ткань рубахи он почти чувствовал, где проходят свежие рубцы — там горячо, натянуто, как плохо зашитый шов. Он позволил небольшому, осторожному теплу стечь из груди к пальцам, не так, как у Лив, а лишь умеряя боль, словно приглушая слишком громкий звук.

Ивар вздрогнул ещё раз, потом медленно выдохнул. Лицо его чуть оттаяло, напряжение в плечах ослабло. Боль никуда не ушла, но перестала быть острой, выматывающей. Он поднял глаза на Тора — серые, усталые, с тем самым взглядом человека, который давно привык не ждать добра. Теперь в них мелькнуло другое: растерянная благодарность, осторожная, как шаг по льду.

— Спасибо, — мягко выдохнул он, не опуская взгляда. Без длинных речей, без вопросов о богах и знаках. Просто одно короткое слово, за которым стояло больше, чем могли бы выразить любые клятвы.

Тор кивнул, будто это было самое обычное дело, и поднялся, снова берясь за вилы. Ивар, через миг поднявшись следом, работал чуть свободнее, уже не вздрагивая от каждого наклона. В шуме дня их короткий разговор растворился, но для Тора это «спасибо» прозвучало громче многих песен, что он слышал когда-то в Асгарде.

К середине дня усталость делала людей резче, а языки — острее. Тор с Иваром как раз сваливали кучу мокрой соломы у хлева, когда к ним подошёл один из молодых воинов, Харальд, известный любовью к грубым шуткам и тем, что смеялся громче всех.

Он остановился совсем близко, окинул их ленивым взглядом и ткнул сапогом в Ивара, не сильно, но достаточно, чтобы тот дёрнулся.

— Смотри-ка, — протянул Харальд, — трэл уже отдыхает в тени, да ещё и с приятелем. Не слишком ли вас балуют, если вместо работы вы тут на лавочке сгниваете?

В его голосе был не просто смех — вязкая злоба, от которой хотелось вытереть уши. Ивар опустил голову ещё ниже, пальцы на древке вил сжались до побелевших костяшек.

Тор почувствовал, как внутри вспыхивает гнев, быстрый, горячий, знакомый. Пальцы сами сжались в кулаки, готовые врезаться в самодовольное лицо, в эту ухмылку, которая так любила смотреть сверху вниз.

— Он только что отработал не меньше твоего, — выдохнул Тор, удерживая кулак возле бедра. — Спина после плети не так быстро забывает удары.

Харальд хмыкнул, наклоняясь ближе.

— О, заговорил, мальчишка с берега. Тебя когда трэл вытирать будет? Или ты теперь будешь лечить его нытьё, вместо того чтобы работать?

Слова были как плевок. Тор почувствовал, как жар поднимается к лицу, но голос, когда он заговорил, звучал удивительно ровно.

— Если ты не можешь сделать свою работу без того, чтобы выбивать душу из других, — сказал он, глядя Харальду прямо в глаза, — может, слаб ты сам, а не трэл.

Двор словно на миг втянул воздух. Разговоры вокруг стихли, даже свиньи у загона перестали визжать. Не каждый решился бы так говорить с человеком из дружины ярла, да ещё при других. Несколько голов повернулось в их сторону; кто-то прикусил язык, ожидая, чем кончится.

Харальд сузил глаза, ухмылка сползла, оставив на лице жёсткую, колючую маску. Он уже сделал полшага вперёд, плечи чуть подались вперёд — всё в нём обещало драку.

Но в этот момент мимо двора медленно проходил Сигмунд. Его тень легла поперёк утоптанной земли, взгляд скользнул по троиm быстро, но достаточно, чтобы каждый почувствовал, как холоднее воздух.

Харальд резко выпрямился, усмешка вернулась, но уже другой — злой, тонкий разрез губ.

— У нас ещё будет разговор на тренировках, целитель, — тихо бросил он, отступая. — Посмотрим, кто слаб.

Он ушёл так, словно просто проверял, как идёт работа. Трое вдохнули почти одновременно. Ивар осторожно посмотрел на Тора и снова опустил взгляд, а Тор почувствовал во рту

сухой, металлический привкус — вкус собственной злости, впервые высказанной вслух без грома за спиной.

Вечером в длинном доме разжигали огонь, и тени от пляшущих языков пламени бегали по закопчённым балкам, цепляясь за резьбу и старые щиты. В очаг бросали сырые поленья, они шипели, дым стелился под потолком, впитываясь в шерсть плащей и волосы.

Мужчины сидели за столами, навалившись плечами на грубые доски. В мисках дымились похлёбка из рыбы и ячменя, густая, тёплая. Пили тёмное пиво, которое больше грело изнутри, чем радовало вкусом; кружки тяжело стукались о стол, брызги летели на потрескавшиеся доски. Женщины ходили между лавками, подливая, забирая пустое, кто-то уже садился на край, устало выдыхая после долгого дня.

Скальд стоял ближе к очагу, прислонившись к столбу. Его голос был не громким, но цепким, как крючок сети. Он пел старую песню о дальнем походе: как драккары пересекали серое море, как волны били в борта, как мужи из Хассвика и соседних фьордов возвращались с серебром, трофеями и рабами. В песне крики врагов звучали как музыка, пламя на крышах — как украшение к славе, а каждый, кто поднялся на борт живым, становился строкой, достойной памяти.

Тор сидел ближе к стене, обхватив ладонью грубую кружку. Раньше такие песни будили в нём только азарт: желание рваться вперёд, ломать, жечь, оставлять за собой гром и пепел. Сейчас этот знакомый жар всё ещё поднимался, но рядом с ним шла другая тень. Он видел не только горящие крыши, но и женщину, плачущую над свёртком, в который завернули мёртвого ребёнка. Видел спину Ивара под плетью, девочку Лив на досках причала.

Он поймал себя на том, что смотрит не на скальда, а на лица тех, кто сидит за столами. На мужчину с пустым рукавом, аккуратно заправленным в пояс. На женщину, чьи глаза автоматически ищут пустое место на лавке рядом, хотя там никого уже давно не садят. На старика, крепче остальных сжимающего кружку, когда в песне звучат имена погибших. Многие здесь уже теряли кого-то в этих «славных» походах, и в их взглядах пламя отражалось иначе, чем в словах скальда.

Песня, воспевавшая кровь и огонь, вдруг стала для Тора звучать иначе: как тонкая нить, натянутая между славой, которой хвастаются в Вальгалле, и тихими потерями, о которых здесь молчат, опуская глаза в миску.

Когда песня смолкла, и скальд сделал глоток из своей кружки, шум в доме постепенно вернулся — кто-то загремел мисками, кто-то переспросил соседа про подробности похода. Тор допивал пиво маленькими глотками, глядя в мутную поверхность, и ловил себя на том, что лицо у него, должно быть, мрачнее, чем он хотел показывать.

Рядом с ним на лавке двинулось дерево, и знакомый голос прозвучал почти у самого уха: — Чужак, ты смотришь грустнее старого пса у порога, у которого отняли кость.

Он повернул голову. Ингрид сидела неподалёку, опершись локтем о стол, кружка в её руке была наполовину пуста. Свет огня выхватывал резкие скулы, прищур, тонкую насмешку в уголке губ.

— День тяжёлый? — продолжила она. — Полный брёвен, грязи и глупых песен скальда?

Тор фыркнул, пытаясь поднять голову чуть выше.

— Я видел песни куда ярче и кровавее, — огрызнулся он. — И слушал не одного скальда, которому стоило бы поучиться у ваших.

Слова прозвучали менее уверенно, чем ему хотелось. В этом доме за его плечами не было ни Асгарда, ни грома, только дрова, копьё и пара исцелённых раненых. Ингрид приподняла бровь, не отводя взгляда.

— Видеть и пережить — разные вещи, — спокойно сказала она. — Здесь ценится не тот, кто слышал много песен, а тот, кто вернулся из похода живым. Пусть даже без куска руки.

Она кивнула в сторону однорукого мужчины у другого стола. Тот как раз громко смеялся над чьей-то шуткой, ловко подцепляя хлеб оставшейся рукой.

Тор хотел возразить, но вместо этого только сжал кружку сильнее.

— Сегодня днём ты говорил с Харальдом, — добавила Ингрид уже тише. — Не каждый здесь открыто встаёт между трэллом и дружинником.

Он мельком взглянул на неё, ожидая новой насмешки. Но в её улыбке, быстрой, почти невидимой, мелькнула другая тень — короткое, осторожное одобрение.

— Для начала неплохо, бог грома, — бросила она, допивая пиво. — Ещё пару раз так — и, глядишь, тебя будут слушать не только из-за слухов о твоих руках.

Она поднялась, уходя к своему месту, щит стукнул об край лавки. А Тор вдруг понял, что этот короткий знак признания, почти не заметный для других, согрел его сильнее, чем дымный огонь в очаге и крепкое пиво вместе взятые.

Ночью Тор долго не мог уснуть. Шорохи длинного дома — чей-то храп, скрип доски, потрескивание углей в очаге — только сильнее подчёркивали его собственную бессонницу. Когда сон всё же пришёл, он лёг на него тяжёлой шкурой, как зимний снег на крыше, под которым трещат балки.

Ему приснилось, что он снова стоит в оружейной Асгарда. Холодный каменный пол под ногами, стены, увешанные щитами павших, мечи, копья, топоры — всё на своих местах, будто никаких морей и деревень у фьорда никогда не существовало. Воздух пах не дымом и навозом, а железом, маслом и старой кровью. В глубине зала, в тени, сидел Один, опираясь подбородком на рукоять копья. Его плащ стекал по ступеням, как тёмная вода, а единственный глаз спокойно и тяжело смотрел прямо на сына.

Тор попытался заговорить. Губы шевельнулись, но слова застряли в горле, превращаясь в сухой хрип. Он хотел спросить, зачем ему эта жизнь среди смертных, зачем дрова, грязь, чужая боль под пальцами вместо грома и молота. Почему в его руках теперь кровь замирает, а не кипит. Но язык будто прирос к нёбу, и из горла выходил только рваный звук, не достойный ни бога, ни человека.

Над их головами, под сводами оружейной, кружили вороны. Крылья шуршали, как чёрные плащи, перья осыпались вниз и падали на каменный пол. И каждое перо, коснувшись пола, превращалось в человеческий силуэт: ярл Сигмунд с тяжёлым взглядом; Торстейн, с рукоятью меча за плечом; Ингрид, опирающаяся на щит; Ивар, с опущенными плечами и шрамами на спине; рыжая Лив, босиком, с целой ногой. Они стояли вокруг, полупрозрачные, словно вырезанные из дыма, но до боли узнаваемые.

Тор протянул руку, чтобы коснуться хоть одного из этих перьевых людей — проверить, живы ли они здесь, в мире богов так же, как внизу, у фьорда. Кончики пальцев почти коснулись плеча Лив, но в тот же миг все фигуры рассыпались, как пепел, разлетелись в стороны и поднялись вверх сизым дымом. В зале остались только камень, холод и взгляд Одина.

Голос отца прозвучал не спереди, а будто сразу за спиной — тихий, но неотвратимый, как шаг судьбы по каменным плитам:

— Ты ещё не увидел достаточно.

Тор хотел обернуться, но ноги не слушались. Щиты на стенах вдруг показались менее громкими, чем лица тех, кто исчез у него под рукой. И с этим ощущением — что его путь среди смертных только начался, даже если он уже устал от него до дрожи, — он проснулся в своём углу длинного дома, с вкусом холодного металла на языке и эхом отцовского голоса в груди.

Глава 8. Зов моря

На рассвете по деревне прокатилась весть, как холодный ветер по фьорду: к их бухте идёт драккар, возвращающийся из дальнего плавания. Люди бросали ложки, недогруженные вёдра, выбегали из домов, и Тор вместе с ними оказался на тропе к причалу, чувствуя, как в груди откликается давний, знакомый зов дороги.

Длинный корабль с резным драконьим носом медленно скользил по воде, разрезая серую гладь фьорда. Драконья голова на носу облупилась от соли, но всё ещё смотрела вперёд хищным прищуром. По борту висели щиты, потемневшие от времени, с облезшими красками родовых знаков. На мачте дрожал промокший парус, тяжело наполняемый капризным ветром, на снастях сушились ключья водорослей.

Когда драккар ткнулся бортом в причал, Тор увидел лица моряков. Измождённые, с обветренной кожей, соль забила в бороды, губы потрескались, плечи опали от усталости. Но в их глазах горела та самая искра, которую он раньше видел только в залах Асгарда — огонь пережитой опасности, тех, кто смотрел смерти в лицо и вернулся, упрямо удержав жизнь. Несколько мужчин спрыгнули на доски, загремели трапы, посыпались короткие ругательства, приветствия, хлопки по плечам.

В трюме не гремели горы сокровищ. Они привезли немного серебра в мешочках, пару потемневших от сырости сундуков, несколько тюков ткани с незнакомым узором — тонкой, для праздников. На палубу выгружали связки диковинных ракушек, шкуры, пару бочек с вином, купленным в южных гаванях. Но больше всего ценились не вещах, а слова. Уже у самого причала развернулся первый круг слушателей: моряки рассказывали о землях, где берега низкие, мягкие, как хлебный мякиш, а дома стоят почти в воде; о людях, что боятся громкого крика, прячут женщин за стенами и крестят воздух странным знаком.

Вместе с товарами они привезли и слухи. О набегам других ярлов, что уходят всё дальше, за край привычных карт. О земле за морем, где монахи прячут золото за толстыми каменными стенами, где колокола звенят вместо рогов, а боги молчат на чужом языке. Имя этой земли шептали так, будто пробовали на вкус новый сорт вина, — соблазнительный, тяжёлый: место, где можно прославиться, обогатиться и потерять всё сразу.

Тор стоял в толпе, чувствуя запах мокрой смолы, пота и дальних морей, и ловил себя на том, что сердце бьётся чаще, чем должно. Зов моря, который когда-то звучал для него всего лишь фоном к громам и песням, теперь стал резким, почти осязаемым. Эти люди возвращались туда, где он ещё никогда не был как смертный, и в их рассказах слышалась та дорога, на которой ему, возможно, предстоит искать своё искупление.

Ярл Сигмунд созвал тинг, и мужчины Хассвика поднялись на невысокий холм над деревней, откуда открывался вид на фьорд. Небо висело низко, серое, ветер рвал края плащей, забирался под ворот, тянулся к открытым шеям, но никто не обращал внимания на холод: разговор шёл о море и добыче.

В центре круга стояли люди из вернувшейся дружины. Один, с разодранным ухом и свежим шрамом на щеке, говорил громче остальных, размахивая рукой в сторону запада, туда, где за линией горизонта начинались чужие берега. Он рассказывал о лёгкой добыче на западных землях: о низких берегах, где корабли можно легко вытащить на песок, о слабых гарнизонах, о медлительных монахах, которые бегут к своим каменным домам, даже не успев схватиться за оружие.

— Они прячут серебро в каменных ящиках, — выкрикнул другой, помоложе. — У них боги в досках и чашах, а не в руках. Они молятся, пока мы берём своё.

По кругу прошёл одобрителный гул. Несколько мужчин сразу заговорили о том, что надо немедленно готовить драккар, сушить паруса, точить сталь и идти следом, пока другие ярлы

не опередили Хасврик. Они говорили о серебре, о тканях, о рабах, которых можно продать весной. В их голосах слышалось нетерпение: море звало, как песня, и промедление казалось почти преступлением.

Другие были осторожнее. Старик с седой бородой напомнил, что зима стояла близко, что людей в деревне немного, а каждый муж, ушедший в море, — это пустое место за столом и слабый тыл для тех, кто остаётся. Другой буркнул, что удача любит тех, кто идёт на риск, но также любит и тех, кого потом забирает волна.

Сигмунд слушал, не перебивая, только иногда задавая короткий вопрос, будто уточнял цену товара. Ветер трепал его плащ, волосы били по щеке, но взгляд оставался твёрдым. Он взвешивал: серебро против людей, славу против могил на берегу.

Тор стоял чуть в стороне, рядом с Торстейном и несколькими юношами, ещё не бывавшими в дальних походах. Он слушал, как решается судьба будущего выхода в море, и чувствовал, как в груди поднимается знакомый зов крови, тот самый, что раньше вёл его в бой без колебаний. Слова о слабых монастырях и лёгкой добыче звучали как музыка из старых скальдских песен.

Но теперь этот зов мешался с другим голосом — новым пониманием цены решений. Перед глазами вставали не только серебряные кубки и горящие крыши, но и лица тех, кто останется ждать на берегу: женщины, дети, старики. Пустые места за столами, свёртки с телами, что не вернулись с моря.

Ветер бил в лицо, и Тор не знал, чего в нём больше — прежнего азарта или того тяжёлого, человеческого сомнения, с которым боги редко умеют жить, но которому смертные подчиняются каждый раз, когда смотрят на серое небо над фьордом и думают: стоит ли игра свеч.

Когда разговор плавно перетёк от чужих берегов к тому, кто пойдёт в ближайший поход, мужчины стали переглядываться, кто-то уже вслух называл имена. Тор слышал привычные — старых воинов, бывалых мореходов, пару молодых, которым давно чесались руки. И в тот момент, когда список, казалось, уже складывается сам собой, вперёд вышла Ингрид.

Она протолкалась через плотный круг так, будто ломится не сквозь плечи односельчан, а сквозь заросли кустов. Встала так, чтобы её было видно всем, и подняла голову, встречая ветром лицо. Щит был за спиной, ремень врезался в плечо, коса, переброшенная через грудь, била по плащу.

— Я иду, — твёрдо сказала она. — В щитовом строю. Как раньше.

Голос не дрогнул ни на слове, звучал ровно, так, будто она объявляла не просьбу, а простой факт. На тинге на миг стало тише. Кто-то хмыкнул, по кругу прокатилась сдержанная усмешка — не злая, скорее привычная: женщина лезет туда, где мужчины меряются шрамами. Но те, кто уже видел её в бою, не смеялись. Они только переглянулись и чуть поджали губы, зная, сколько за этим стояло крови и пота.

Сигмунд посмотрел на неё тяжёлым, долгим взглядом.

— Каждый, кто встаёт на борт, — риск, — сказал он. — Особенно те, кто ещё может принести деревне детей.

В его голосе не было мягкости, только сухая забота хозяина о хозяйстве: лодки, люди, будущие рты за столом — всё часть одного счёта. Кто-то позади кивнул, мол, верно говорит ярл.

Ингрид выступила ещё на шаг вперёд, земля под сапогами хрустнула.

— Детей я успею родить позже, — отрезала она. — Если вернусь живой. Сейчас моё место там, где летят стрелы, а не у печи.

Ветер подхватил её слова и разнёс по кругу. В них не было ни хвастовства, ни бравады — только жёсткая уверенность человека, который уже стоял в строю и не собирается отступить к котлу только потому, что кому-то так спокойнее.

Кто-то попытался нервно хохотнуть, но смех быстро заглох. Сигмунд ещё немного смотрел ей в лицо, будто взвешивая не только её силу, но и то, сколько споров поднимется в деревне, если он скажет «нет». Потом тяжело выдохнул, словно принимая не самое удобное решение, и коротко кивнул.

— Записать, — бросил он. — Ингрид идёт.

Тор заметил, как Торстейн чуть повёл бровью, но не возразил: то ли уважал её выбор, то ли знал, что спорить бесполезно. В списке тех, кто идёт к морю, появилось ещё одно имя. Женское. И никто уже не смел сказать вслух, что оно лишнее — не после того, как Ингрид потребовала своё место так, как это делают только те, кто привык отвечать за свои решения статью, а не жалобами.

Слушая спор мужчин, Тор чувствовал, как внутри поднимается старый, до боли знакомый голод — голод битвы, шума оружия, хлёсткого ветра в лицо и солёных брызг на губах. Слова о западных берегах, о слабых стенах и тяжёлых сундуках звенели в груди, как удар по щиту. Стоять в стороне, слушая, как другие делят славу, было мукой крепче любой работы в хлеву.

Он шагнул вперёд, так, чтобы его голос не затерялся в общем гуле.

— Я тоже хочу идти с драккаром, — сказал Тор, глядя прямо на Сигмунда. — Работа в хлеву и у дров не для того, кто умеет держать оружие.

По кругу прошёл лёгкий шорох, кто-то повернул голову, кто-то усмехнулся. Первым хмыкнул Торстейн.

— Умеет держать? — протянул он, даже не пытаясь смягчить насмешку. — Я видел, как тебя валили на тренировках. Земля знает твою спину лучше, чем ты знаешь острие копья. Сколько раз за неделю ты поднимался из грязи, помнишь?

Несколько мужчин рядом коротко рассмеялись, поддерживая его слова. Для них всё было просто: парень ещё слишком зелёный, чтобы смотреть смерти в лицо не на дворе, а на бортовом проходе, где любая ошибка может утащить за борт.

Тор сжал зубы так, что заныла челюсть.

— В море мне уже довелось бороться за жизнь, — резко ответил он. — Я знаю, что значит тонуть и не иметь под ногами ни земли, ни досок. В отличие от тех, кто родился и вырос в тепле этого длинного дома и только слышал, как море рычит за стенами.

Последние слова прозвучали жёстче, чем он планировал, но он не отводил взгляда от лиц вокруг. Слова ударили по кругу, как неожиданная волна о борт. Кто-то недовольно буркнул, но в толпе один из рыбаков коротко хмыкнул, не скрывая одобрения:

— Дерзости у мальчишки не отнять, это верно.

Несколько голов кивнули, не вслух, но заметно. Тор почувствовал, как этот тихий, сдержанный отклик подогревает его лучше любого мёда. Он всё ещё оставался чужаком, но теперь хотя бы часть людей видела в нём не только «целителя» и работника хлева, а того, кто уже встретился с морем лицом к лицу и не утонул.

Астрид до этого стояла в стороне, опираясь на посох, слушала спор, не вмешиваясь. Ветер трепал край её тёмной накидки, седые волосы выбивались из-под капюшона. Когда голоса особенно разгорелись, она шагнула ближе к кругу, и шум сам собой стал тише.

— У деревни теперь есть человек, чьи руки могут затягивать раны быстрее, чем их успеет залить кровью, — сказала вельва, глядя прямо на Сигмунда. — В походе такая сила нужнее, чем дома. Здесь раны терпят, там от них падают за борт.

Сигмунд чуть прищурился. Он не любил, когда ему указывали, но слова Астрид всегда взвешивал. Каждый живой воин после битвы значил больше, чем два мёртвых героя в песнях — это он знал лучше многих. Один спасённый щит мог закрыть от стрелы ещё чью-то грудь.

Торстейн шагнул вперёд, не скрывая раздражения.

— Нельзя доверять жизнь дружины тому, кто сам еле держится на ногах после тренировок, — резко бросил он. — Если целитель свалится первым, какая от него польза на борту?

Несколько мужчин одобрительно кивнули: мысль была понятной. Другие молчали, переводя взгляд с Торстейна на Тора, на Сигмунда, на вельву.

Тор почувствовал, как к горлу поднимается жар. Он поднял взгляд, заставив себя говорить ровно, без бравады:

— Если моя сила даст хотя бы одному из вас вернуться домой, — сказал он, — чтобы сесть за свой стол и увидеть своих женщин и детей... я готов падать от усталости после каждого исцеления. Хоть на палубу, хоть в грязь под ноги.

Ветер утих на миг, или ему так показалось. Слова повисли над тингом, тяжёлые, простые. Он говорил не о славе, не о песнях, а о том, что было понятно каждому: вернуться живым к тем, кто ждёт.

В глазах некоторых мужчин мелькнуло что-то похожее на уважение. Рыбак, у которого сын только подрос до меча, сжал губы и кивнул самому себе. Старик с седой бородой перевёл взгляд на Сигмунда: мол, в этих словах есть смысл. Даже Торстейн, будто споткнувшись, замолчал на полслова, только челюсть у него дёрнулась.

Сигмунд медленно провёл взглядом по лицам — сына, вельвы, Тора, остальных. Он видел, как на их плечах уже лежит невысказанное ожидание: если в походе будет человек, способный вытащить из лап смерти хоть одного, шанс вернуться домой вырастет не только для него самого. И это был аргумент, который в Хассвике понимали даже те, кто громче всех кричал о славе и серебре.

После слов Тора и Астрид над холмом повисла тяжёлая пауза. Ветер шевелил края плащей, хлопал по щитам, но никто не торопился заговорить. Все ждали одного голоса. Сигмунд стоял в центре круга, глядя то на море, то на людей, словно взвешивая на невидимых весах и серебро за чужими стенами, и имена тех, кого могло унести волной.

Наконец он выпрямился и заговорил, не повышая голоса:

— Тор пойдёт в поход с остальными.

Шорох прошёл по кругу, кто-то коротко выдохнул, но ярл поднял ладонь, не давая перебить.

— Но без права отказываться от самой грязной работы, — продолжил он. — На корабле и в лагере. Будешь тянуть вёсла, чистить палубу, таскать воду, делать всё, что скажут. И ещё — лечить раны там, где другие падут.

Он бросил короткий взгляд на Тора, тяжёлый, испытующий.

— Если выдержишь море, холод и удары, — сказал Сигмунд, — тогда сможешь называться воином Хассвика, а не только целителем, которого нам выкинуло на берег. Если нет — вернёшься к корыту и дровам. И никто больше не станет слушать твоих слов о битве.

В этих фразах не было ни угрозы, ни особой благодати. Только рубеж, черта, за которой либо признают, либо спишут в расход, как треснувшее весло. Мужчины вокруг закивали: решение было понятным и жёстким.

У Тора внутри всё на миг провалилось, а потом ударило вверх. Сердце бухнуло в грудь сильнее, чем тогда, когда ледяное море впервые сомкнулось над головой. До этого его жизнь здесь казалась растянутым наказанием — бесконечной верёвкой из дров, хлеба и тренировок. Теперь она становилась испытанием с реальной ставкой: либо он выстоит и получит право стоять в строю, либо навсегда останется «мальчишкой с берега», которому позволили потрогать оружие из жалости.

Тинг закончился, люди стали расходиться по склону, спускаясь к деревне. Тор долго не шел за ними. Вечером он стоял на берегу, у самого края, где вода лениво лизала камни. Фьорд был тёмным, тяжёлым, где-то в глубине плескалась рыба, мерцали редкие огни на другом берегу.

Раньше море для него было дорогой к грому и песням, фоном к подвигам асов. Теперь оно тянуло иначе — как путь, на котором решится не судьба богов, а его собственное, смертное «может» или «не сможет».

Он смотрел на чёрную воду и впервые чувствовал зов не как бог к буре, а как человек к своему ещё не написанному пути, за который отвечать придётся не отцу в Асгарде, а тем, чьи лица будут рядом с ним на палубе драккара.

Глава 9. Под парусом северного ветра

В следующие дни причал Хассвика превратился в гудящий муравейник. Мужчины ходили по доскам, как по натянутому канату: одни проверяли борта, простукивая каждую доску кулаком, другие забивали клинья в подозрительные щели, третьи размазывали тёмную, пахнущую дымом и смолой массу по швам, чтобы море не нашло себе ни одной трещины. Драккар постепенно приобретал вид живого существа, готового рвануться в сторону горизонта.

Щиты снимали со стен, подновляли, меняли местами. Потрескавшиеся и покореженные отправляли к стене, на починку или на дрова, крепкие — вешали вдоль борта, один к одному, словно чешую на спине морского зверя. Краски кое-где обновляли, рисуя заново стёршиеся знаки родов, волчьих головы и руны защиты. Щитовой пояс драккара должен был отпугивать стрелы и вселять страх одним видом, ещё до первого крика.

Кладовщики таскали на борт тяжёлые бочки с водой, гулко перекатывающиеся по настилу, мешки с сушёной рыбой, с ячменём, пару мешков с луком и сушёными травами. В отдельную сторону грузили бочонки пива и немного более крепкого напитка — не для веселья, а чтобы согреться в самые тяжёлые ночи, когда ветер будет бить в парус, а кости в теле стынут до звона.

Тор вместе с другими юношами тянул верёвки, поднимал тяжести, перетаскивал связки копий, шлемы, мешки с ремнями. Ему поручили натирать оружие жиром, чтобы солёный воздух не взялся чёрной коркой ржавчины. Он сидел на настиле, сжимая в руках мечи и топоры, втирая тёплый жир в сталь, чувствуя знакомый холод металла в пальцах. Каждый раз, когда его ладонь ложилась на рукоять — гладкую, обмотанную кожей, — в груди отзывалась память о Мьёльнире: о тяжести, о гуле молнии, бегущей по древцу.

Теперь эта память уже не рвала в стороны. Она жгла, как старый шрам, и только добавляла злой решимости. Если бог, державший молот грома, теперь натирает железо для других и тянет верёвки, значит, он либо сломается, либо станет тем, кто не уступит море ни шагу. Тор сжимал рукояти чуть крепче, чем требовалось, и чувствовал, как к его смертным пальцам понемногу возвращается уверенность, когда-то принадлежавшая только руке бога.

В день отплытия берег был полон, как в ярмарочный час. Женщины, дети, старики стояли вдоль линии воды, теснясь у камней и по скользким доскам причала. Они приносили на причал тёплые накидки, перешитые из старых плащей, последние лепёшки, завернутые в тряпки, мешочки с сушёной рыбой — всё, что могло хоть немного согреть и напомнить о доме.

Старые руки тянулись к богам: кто-то шептал имена асов, кто-то звал просто «тех, кто смотрит сверху», клялся, что принесёт жертву, если те вернут мужей и сыновей живыми. Молодые женщины держали детей за плечи, подталкивая ближе к борту, чтобы те запомнили лица уходящих. Над всем этим стоял тихий гул голосов, смешанный с плеском воды и скрипом бортов.

Лив, та самая рыжая девочка, чью ногу Тор когда-то держал в ладонях, протиснулась сквозь взрослых и подбежала к нему у трапа. Лицо её было серьёзным, веснушки собрались на переносице плотным россыпом. Она сунула ему в руку грубую деревянную фигурку дракона — неумело вырезанную, с кривыми зубами и слишком толстой шеей.

— Возьми, — сказала она, глядя прямо. — Тогда море будет знать тебя как друга, а не как врага.

Слова прозвучали так просто, но в них было больше тяжести, чем во многих заклинаниях, что Тор слышал в Асгарде. Он сжал фигурку в ладони и кивнул, не доверяя голосу.

Ингрид стояла чуть поодаль, рядом с невысокой женщиной с такими же серыми глазами — её матерью. Она обняла её крепко, по-детски уткнулась лбом в плечо, задержавшись на миг

дольше, чем позволяла себе обычно. Потом словно вспомнила, что на неё смотрят: разжала руки, отступила, выпрямилась, будто отбирая у себя право на мягкость.

— Вернусь, — коротко сказала она. — Щит не уроню.

Мать только кивнула, комком сжав в пальцах край платка.

В глазах многих женщин блестели слёзы, но они держались прямо, подбородок высоко, плечи расправлены. Север не любит тех, кто падает раньше времени: плакать можно, когда станет ясно, кого море вернуло, а кого оставило себе. Сейчас их мужчины должны были уходить под парусом, видя на берегу не сломленных, а тех, ради кого стоит возвращаться.

Когда драккар оттолкнули от причала, вода заскрипела под его днищем, словно недовольный зверь, которого разбудили слишком рано. Канаты соскользнули с кольев, доски причала медленно поплыли назад, и берег, полный людей, начал отступать, превращаясь в пёстрое пятно плащей и щитов.

Мужчины взяли за длинные вёсла. Дерево тяжело легло в ладони, и первый общий рывок прозвучал, как удар барабана. Однообразный звук лопастей, входящих в воду, стал новой песней — глухой, ритмичной, в такт которой двигалось всё тело корабля. Драккар будто ожил, тянулся вперёд, поднимаясь на волнах и мягко проваливаясь между ними.

Тор сел среди гребцов, ближе к середине борта. Древяк вёсла сразу показалось ему тяжелее любого оружия, которое он держал в этом теле. Руки протестующе ныло уже после первых взмахов, плечи напряглись, в спине тут же откликнулась знакомая тупая боль. Вёсла требовали не одного рывка, а десятков, сотен, все в одном ритме.

— Раз, — бросил старший гребец на носу. — Два. Раз. Два.

Тор стиснул зубы, стараясь не отставать от опытных моряков. Он вжимал пятки в настил, тянул древяк на себя, чувствуя, как под ним дрожит весь корабль. Поначалу движения были сбитыми, то слишком быстрыми, то запаздывающими на полудара, но с каждым взмахом тело начинало подстраиваться под общий такт, как под гул далёкого грома.

Торстейн прошёлся вдоль ряда, между скамьями. Он шёл, держась за стойки, и смотрел, кто сбивается, у кого уже белеют пальцы на весле, у кого ритм сбит дыханием. Его взгляд на миг остановился на Торе — холодный, ожидающий. В этом взгляде читалось простое предсказание: чужак сломается первым.

Тор чувствовал этот взгляд почти физически, как дополнительный груз на плечах. Но когда драккар, тяжело дыша своими вёслами, вышел из узкой глотки фьорда в более открытое море, он всё ещё держал ритм. Руки ныли, мышцы в плечах горели, дыхание рвалось из груди горячими, хриплыми вспышками, но лопасть его вёсла входила в воду вместе со всеми.

Ветер стал резче, волны шире, и драккар качнулся сильнее. Кто-то тихо выругался, перестав на миг попадать в такт, но строй быстро выровнялся. Тор, зажав боль глубже, тянул и толкал, чувствуя, как-то самое море, что когда-то хотело его утопить, теперь поддаётся под напором десятков рук — и среди них были его собственные, смертные, но не сдающиеся.

Как только берег начал отдаляться, превращаясь из живой толпы в размытое пятно, а волна стала выше и свободнее, драккар закачался совсем иначе. Уже это было не осторожное покачивание фьорда, а тяжёлое, упрямое движение открытого моря. Корабль то поднимался, как будто его подбрасывала невидимая рука, то проваливался вниз, и у Тора в животе всё перевернулось.

Мир вокруг начал то заваливаться в одну сторону, то в другую. Небо уходило вбок, вода подползала слишком близко, доски под ногами всё время смещались. Ему приходилось стискивать зубы, чтобы не вывернуть желудок прямо на ноги соседям, потому что каждый новый толчок под днищем отзывался в животе предательской волной.

Ветер бил в лицо солёными брызгами, хлестал по губам, забивал рот горькой влагой. То, что раньше, из Асгарда, казалось романтической стороной морских походов — солёный ветер,

грохот волн, крен корабля, — теперь превратилось в липкую, вязкую тошноту, от которой хотелось только одного: твёрдой земли под ногами и тишины.

Несколько юнцов, сидевших неподалёку, не выдержали раньше него. Один резко отпустил вёсла, подался вперёд и склонился за борт, судорожно хватая ртом воздух. Второй последовал за ним, и вместе с плеском их мучений раздался громкий смех старших гребцов.

— Вот вам и волки моря, — хохотнул кто-то. — Сначала пузо выверни, потом песни пой.

Тор сглотнул, чувствуя, как во рту становится суше, хотя вода была везде. Виски стучали, в животе шевелилось, как будто там тоже поднялась буря. Он заставил себя дышать ровнее: короткий вдох через нос, выдох через сжатые зубы. Руки продолжали тянуть вёсла по привычному ритму — «раз, два» — и он цеплялся за этот счёт, как за спасительную верёвку.

Каждый рывок давался всё тяжелее, но он не отпускал древко. Не хотел подарить ни врагам, ни товарищам ещё одну причину для насмешек, ещё один повод вспомнить, как «мальчишка с берега» не только падал в грязь, но и сгибался над бортом. Бог, тошнящий на палубу, — слишком сладкая шутка для скальдов.

Тор упрямо гнал тошноту вниз, чувствуя, как море проверяет его на прочность иначе, чем тогда, когда пыталось утопить. Теперь оно не рвало его в глубину, а качало, мутило, проверяло, сможет ли он выдержать не только удар волны, но и собственную слабость, не выронив весло из дрожащих рук.

Когда ветер усилился, парус наконец подняли, и драккар пошёл легче, поскрипывая, но уже не так тяжело вжимаясь в воду. Часть гребцов получила передышку и смогла отложить вёсла, вытянуть затёкшие ноги, прислониться спиной к борту. Тор, едва почувствовав, как руки перестали тянуть дерево, опустился на скамью рядом с Ингрид. Она сидела, опершись плечом о щит, и привычным жестом проверяла ремни, потом провела пальцами по рукояти меча, убеждаясь, что кожа не размокла от брызг.

— Ну как тебе море, бог грома? — спросила она, не глядя сразу, но в голосе звякнула лёгкая издёвка. — Всё ещё поёт, как в песнях скальдов?

Её глаза всё же скользнули по его лицу внимательным, цепким взглядом, отмечая бледность, солёные разводы на щеках, дрожь в пальцах. Тор провёл языком по пересохшим губам и честно выдохнул:

— В человеческом теле оно намного холоднее и тяжелее, чем я думал.

В этих словах не было ни бахвальства, ни попытки приукрасить себя. Только простое признание того, что море не похоже на те страстные строки, которыми его украшали скальды в Асгарде. Ингрид хмыкнула, уголок губ чуть приподнялся.

— Привыкнешь, — сказала она. — Или сойдёшь с борта. Море плохо терпит тех, кто в нём сомневается.

Тор хотел ответить, но рядом опустился Торстейн, присев на свободный край скамьи. Он оглядел обоих, потом перевёл взгляд на пашущий волны нос драккара.

— Если он выдержит хотя бы первый шторм, — негромко бросил он, явно имея в виду Тора, — тогда можно будет говорить о нём как о воине, а не о подарке богов, который случайно не утонул.

Слова были жёсткими, но без яда, скорее, как тест, озвученный вслух. Тор не отвёл взгляда.

— Я не подарок, — ответил он. — Если море решит утопить меня сейчас, песни обо мне всё равно не сложат. Так что мне выгоднее выжить.

Торстейн усмехнулся краем рта, Ингрид тихо фыркнула, но промолчала. Между ними, над скрипом досок и свистом ветра, проскочило что-то вроде негласного договора: этот поход станет проверкой для каждого из них. Для чужака, для щитоноски, для сына ярла. А море, серое и холодное, судит одинаково — и богов в человеческой шкуре, и тех, кто родился под крышей длинного дома.

К ночи небо заволкло тяжёлыми, набухшими тучами, и горизонт превратился в тонкую тёмную линию, едва отличимую от воды. Мир сузился до драккара, полосы палубы под ногами и чёрной, шепчущей глубины вокруг. Ветер стал ровнее, холоднее, тянул парус, как чужая рука, уверенно ведя корабль вперёд.

На борту зажгли один-единственный фонарь, спрятанный под кожаным козырьком от порывов ветра. Его слабый, желтоватый свет выхватывал из темноты только ближние лица, блеск мокрой стали, узелки на верёвках. Всё остальное растворялось в ночи, где вода и небо были одним холодным чёрным телом.

Старый моряк, седой Бьёрн, устроился ближе к мачте, подтянув к себе плащ, и, как водится, начал рассказывать юнцам истории о дальних берегах. Его голос был хриплым, но уверенным, как скрип старого борта. Он рассказывал о монастырях, где колокола звенят так тяжело и часто, что напоминают цепи на шее раба; о городах, где стены поднимаются так высоко, что закрывают половину неба, и солнце там видят меньше, чем дождь. О рынках, где пахнет не рыбой и дымом, а пряностями и вином, от которого кружится голова сильнее, чем от северного ветра.

Тор слушал, поджав ноги и прижавшись спиной к борту. Фонарь освещал половину его лица, другая тонуло в темноте. Он грелся не столько у слабого огня, сколько у этих слов. В них слышался зов мира, который раньше он видел только сверху — с высоты, где земли казались пятнами, а моря — полосами. Теперь этот мир ждал его впереди, за чёрной водой, и впервые ему предстояло встретиться с ним на равных, ногами по доскам, а не по Радуге.

Ветер тянул парус, рвал редкие капли дождя, вода шептала о чём-то своём, шлёпая о борт, цепляясь за днище. Где-то далеко за тьмой лежали чужие берега, которые ещё не знали имени Тора в человеческом теле, не знали его голоса и его рук, лечащих и держащих оружие.

Он поднял голову к невидимому небу, за которым прятался Асгард, и почувствовал, как страх и нетерпение переплетаются внутри тугим, тяжёлым узлом. Страх — перед морем, битвой, собственной слабостью. Нетерпение — узнать, кем он станет там, где гром больше не послушен его руке.

В эту ночь, под тяжёлым парусом и над чёрной водой, его дорога, наконец, стала настоящей. Не дорогой бога, что шагает по радуге, а путём смертного, который гребёт вперёд сквозь холод и тьму навстречу судьбе, которую придётся добывать не молотом, а своими уставшими, дрожащими руками.

Глава 10. Шторм и кости моря

Утро почти не отличалось от ночи: просто тьма стала светлее, а волны — виднее. Серое, тяжелое небо давило сверху, сливаясь у горизонта с таким же серым морем, и только белёсые гребни показывали, где заканчивается одно и начинается другое. Холодный ветер не унимался с вечера, тянул парус так, будто хотел вырвать мачту с корнем, пробирался под мокрую одежду, с хрустом сушил на лице соль. Вода глухо шлёпала о борта, иногда с силой вбиваясь в них, и драккар отвечал ей скрипом, словно живое существо, недовольно ворчащее на каждую волну.

Корабль жил своим ритмом — длинным, тяжёлым дыханием дерева и людей, и каждый на борту был всего лишь ещё одной жилой в его деревянном теле. Гребцы тянули вёсла в такт коротким командам рулевого; те, кто сейчас отдыхал, сидели, прижавшись к борту, но даже их тела подрагивали в унисон с движением корабля. Тор уже меньше прислушивался к тошноте. Она всё ещё сидела где-то под рёбрами, перекатываясь к горлу при каждом особенно сильном крене, но больше не заслоняла собой весь мир. Руки привыкали к веслу, кожа на ладонях грубела, под тонкими трещинами проступала соль, мышцы жгло, но это жжение казалось теперь честным, заработанным. Каждый рывок отдавался в плечах, в спине, в боку — и эта боль была понятнее любой божественной молнии.

Мужчины говорили мало, экономя дыхание и слова. Вместо привычных для деревни перебранок и шуток над двором звучали только резкие выкрики рулевого: «Ровнее!», «Держи!», «Не сбивайся!» — да тяжёлое, синхронное сопение гребцов. Иногда кто-то коротко ругался, когда волна особенно сильно била в борт или остывшие пальцы плохо хватали древко, но крик сразу глох под шумом ветра. Тор ловил себя на том, что его собственные движения всё меньше выбиваются из общего такта: тело, ещё недавно чужое, начинало подстраиваться под ритм драккара, как когда-то под гул грома.

Впервые за всё время на земле он ощущал знакомое чувство: вот есть цель, и вот есть путь к ней. Цель — чужой берег, пока ещё спрятанный за серой линией горизонта и словами Бьёрна о монастырях и высоких стенах. Путь — прямая, упрямая линия по чёрной воде, без обходных дорожек, без божественных троп. Только море, парус, вёсла и стиснутые зубы. Разница была в том, что раньше он стоял над бурей, глядя на волны сверху и играя с молниями, как с игрушками. Теперь он сидел внутри этой серой качки, как простой моряк, чьи ноги скользят по мокрым доскам, а руки ноют от тяжести дерева. И море в любой миг могло сломать ему шею так же легко, как любому рядом, — не спрашивая, был ли он когда-то богом, или всегда был лишь мальчишкой, которого выбросило на берег и снова потащило с собой.

К полудню небо потемнело, будто кто-то накинул на него старую, нечищеную шкуру. Серый свет стал гуще, тяжелее, и грань между небом и водой ещё больше смазалась. Ветер усилился, рванул парус так, что тот загремел снастями, и драккар начал рыскать, как живой зверь, недовольный невидимым поводком. Корабль то вздрагивал, то уходил боком от волны, и Тор почувствовал, как доски под ногами перестали быть хоть сколько-нибудь предсказуемыми.

Рулевой, вцепившийся в румпель, во всё горло крикнул, чтобы часть людей поднялась к мачте. Несколько моряков рванулись вперёд, хватаясь за верёвки. Над головами прыгнули мокрые грубые канаты, пальцы врезались в них, тянутый парус зарычал, когда его начали притягивать, не давая ветру разодрать ткань в лоскуты. Тор, спотыкаясь на крене, тоже ухватился за один из шкот, чувствуя, как верёвка обдирает кожу на ладонях до живого.

Волны стали выше, гребни их побелели, как старые шрамы. Они поднимались сбоку, на миг заслоняя собой весь мир, а потом срывались, падая на борт тяжёлыми шлепками. Вода перелетала через край, заливала палубу, холодными плетьюми била по ногам. Корабль стонал — глухо, протяжно, будто старое дерево, жалующееся на каждый удар, но всё же держащееся.

Тор чувствовал, как каждое движение судна проходит по его позвоночнику. Будто невидимая рука брала его за плечи и встряхивала снова и снова, вытряхивая из него остатки гордости и всех тех слов, которыми он когда-то бросался в Асгарде. Здесь громом командовало море, а не он. Каждый новый крен, каждый удар волны напоминал, что у воды свои законы и ей безразлично, кем ты был раньше.

Старый Бьёрн, сидевший ближе к носу, сплюнул за борт и коротко бросил:

— Это ещё не шторм, мальчишки. Это море зубы показывает. Просто проверка.

Но в его хриплом голосе, привыкшем смеяться над чужим страхом, слышалось то самое напряжение, от которого у старых моряков чуть сужаются глаза. И от этого слова «проверка» прозвучали не утешением, а предупреждением: настоящее ещё впереди, и то, что кажется сейчас страшным, скоро станет только прелюдией к тому, что море действительно умеет делать с людьми и деревом.

Когда первая по-настоящему крупная волна ударила в борт, звук был такой, будто в драккар швырнули целую скалу. Корабль дёрнуло в сторону, и он накренился так сильно, что на миг показалось: ещё чуть-чуть, и тяжёлый, промокший до костей зверь из досок и железа ляжет на бок. Вода рванулась на палубу, холодной стеной пролилась по ногам, с хрустом прокатилась между скамьями, унося обронённые вещи. Люди инстинктивно схватились за всё, до чего могли дотянуться: за скамьи, за стойки, за вёсла. Один из юнцов не удержался и прокатился по палубе, как мешок с зерном, с глухим стуком ударившись о борт.

Тор ухватился за край своей скамьи, пальцы автоматически вцепились в мокрое дерево. В следующую секунду он отчётливо почувствовал, как ноги у него соскальзывают по залитым водой доскам. Драккар накренился ещё сильнее, и мир перевернулся: небо оказалось сбоку, борт — почти под грудью, а совсем рядом, буквально в вытянутой руке, раскрылась чёрная, пенящаяся пасть воды. Соль ударила в глаза, брызги с силой хлестнули по лицу. На один ужасно длинный миг он увидел своё собственное падение — точно так же, как тогда, когда Асгард выбросил его в ледяную бездну.

Хватка на скамье ослабла, ладонь соскользнула. Тело поехало к борту, будто его кто-то толкнул в спину. Спина почувствовала пустоту за краем, ноги уже почти оторвались от палубы. Внутри всё сжалось от яростного, холодного страха — не божественного, высокомерного, а самого простого, человеческого: сейчас его просто смоет, переломает о вёсла и доски, а потом сожрёт море, даже не запомнив имени.

Чья-то рука — сильная, грубая, натруженная — ухватила его за ворот мокрой рубахи. Хлопок ткани по коже, резкий рывок назад — и мир снова дёрнулся, возвращаясь на место. Тор с силой врезался спиной в борт, так, что воздух вышибло из груди, а по рёбрам пошла тупая боль. Драккар выровнялся, волна скатилась обратно, оставив по колено воды на палубе, но он уже был внутри, а не за краем.

Он поднял голову, отфыркиваясь, тяжело хватая воздух. Над ним, опираясь одной рукой о стойку, стоял Торстейн. Вода стекала с его плаща, волосы прилипли к вискам, на лице тёмными пятнами ложились капли. Глаза смотрели жёстко, прищуренно, в них не было ни тени облегчения.

— Мне не нужны утонувшие целители, — процедил он, отпуская ворот. — Хватит с нас той рыбы, что и так кормит море. Не вздумай падать за борт, пока я за тебя отвечаю.

Слова были как пощёчина. Не благодарность, не «я спас тебя», а чистая злость человека, которому только что добавили лишнюю заботу там, где и без того хватает смертельных щелей. В его голосе звенело раздражение на того, кто едва не превратился в ещё один труп для моря и в лишний груз на совести ярлова сына. Никакого тепла, никакой дружбы — только холодное, злое: «Не смей умирать тут, где мне потом разгребать».

Тор сглотнул, чувствуя, как рубаха жжёт на горле, где только что тянулась его рука. Страх ещё шевелился где-то под рёбрами, но поверх него поднималось другое — жёсткое, упёртое.

Он снова вцепился в край скамьи, чувствуя, как дрожат пальцы, и опустил взгляд к чёрной воде за бортом. Море показало зубы и почти ухватило его, но он остался на палубе — не своим трудом, а чужой рукой. И от этого внутри закипела злость уже не только на воду, но и на себя: если он действительно хочет быть воином, а не обузой, то не имеет права висеть над бортом, как лишний груз, которого кто-то должен каждый раз вытаскивать обратно.

Туча опустилась так низко, что казалось, до неё можно дотянуться копьём. Небо стало тяжёлым, почти осязаемым, словно над драккаром натянули тёмный шатёр из сырой шерсти. Свет исчез, всё вокруг приобрело свинцовый оттенок: лица, волны, мачта, даже белая пена у борта казалась грязно-серой. Воздух уплотнился, в нём ощущалась та самая предгрозовая натянутость, которую Тор знал лучше любого смертного. Раньше именно так начинался его собственный смех — громовой, с молниями в придачу.

Он поднял лицо к небу, щурясь от солёных брызг и первых тяжёлых капель. Внутри, по старой привычке, он потянулся туда, вверх, к тучам, ожидая хотя бы искры прежней силы, хотя бы тонкого шороха отклика в глубине облаков. Когда-то стоило ему захотеть — и воздух трескался, как сухая кора, волосы вставали дыбом у всех, кто был рядом, молния искала путь к его руке.

Теперь не пришло ничего. Ни треска, ни дрожи в костях, ни привычного тяжёлого гула, который раньше поднимался из глубины мира, откликаясь на его волю. Только холодные капли дождя, острые, как мелкие камни, впивающиеся в кожу лба и щёк. Туча гремела где-то далеко своим собственным, глухим голосом, но этот голос не имел к нему никакого отношения. Гром был там, наверху, а он — здесь, на раскачивающейся доске над чёрной водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.